

Жаталья Солнцева

Копи царицы Савской

Глория и другие

Наталья Солнцева
Копи царицы Савской

«АСТ»

2011

Солнцева Н. А.

Копи царицы Савской / Н. А. Солнцева — «АСТ»,
2011 — (Глория и другие)

ISBN 978-5-17-074375-9

Когда-то они были друзьями, но любовь к юной Глории сделала их соперниками. Глория подарила свою любовь Павлу. Но он погиб. Смерть Павла надломила Глорию. И безысходность толкнула ее на брак с его другом. Прошло время, и она получила письмо от мертвеца с просьбой о свидании. Глория испугалась, но любопытство взяло верх и она поехала на встречу и попала в ловко расставленную для нее ловушку. Кто ее похитители? Зачем в ее жизни возник загадочный уродец? Какую тайну хотел он ей передать перед смертью? Как жизнь обычной девушки связана с таинственной находкой и убийством в африканской саванне два века назад? Чтобы понять это, придется хорошенько подумать и провести тщательное расследование. Поиски копей царицы Савской продолжаются. Стоит только открыть роман.

ISBN 978-5-17-074375-9

© Солнцева Н. А., 2011

© АСТ, 2011

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	37
Глава 8	43
Глава 9	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Наталья Солнцева

Копи царицы Савской

Дорогой читатель!

Книга рождается в тот момент, когда Вы ее открываете. Это и есть акт творения, моего и Вашего.

Жизнь – это тайнопись, которую так интересно разгадывать. Любое событие в ней предопределено. Каждое обстоятельство имеет скрытую причину.

Быть может, на этих страницах Вы узнаете себя. И переживете приключение, после которого Вы не останетесь прежним...

С любовью, Ваша
Наталья Солнцева

Глава 1

*«Я остров неисследованный, тайный...»
(Глория Фуэртес)*

- Это две женщины и мужчина, – вкрадчиво промолвил посетитель.
- У вас есть их фотографии?
- Нет, конечно. Зачем? Я пришел к специалисту.
- Без фотографий сумма моего вознаграждения увеличивается вдвое.

Посетитель едва не присвистнул, но вовремя одумался. Хозяин странной комнаты без окон вызывал у него необъяснимый трепет.

- По рукам?
- Куда же мне деваться? Договорились, – кивнул посетитель.
- Деньги вперед.
- Я не ношу с собой столько налички. Чек вас устроит?
- Вполне.

Хозяин смотрел, как посетитель выписывает чек на предьявителя, улыбаясь уголками губ.

- Теперь к делу, – без предисловий заявил он. – Что от меня требуется?
- Вы можете определить, находится ли предмет моих поисков у одного из этих людей?
- Опишите их, хотя бы внешность, возраст...
- ...характер, род занятий, семейное положение, – язвительно добавил посетитель. –

Имя, фамилию и адрес тоже сообщить?

- Пожалуй, не стоит. Меня интересуют только внешность и возраст.
- Описывать подробно?
- В общих чертах.

Посетитель повиновался. Пока он говорил, собеседник даже не смотрел на него. Его взгляд был устремлен вдаль. Изредка он прерывал посетителя вопросами. Наконец он встал, сделал несколько шагов вокруг стола и замер.

- Предмет, который вас интересует, действительно близко...
- Где же? У кого?
- По крайней мере двое из описанных вами персон имеют к нему отношение.
- А точнее?
- Точнее сказать не могу.

Посетитель с трудом сдерживал гнев и нетерпение.

– Но послушайте, милейший... за те деньги, которые я заплатил вам... я, кажется, имею право...

- Вернуть вам чек?
- Нет-нет... я не то имел в виду. Просто... этой информации слишком мало.
- Что же еще вы желаете знать?
- Назовите одного из этих троих, кто...
- Это вам ничего не даст, – перебил посетителя хозяин комнаты. – Поверьте! Лучше не связывайтесь с ними. Вы ведь хотите жить?
- Не надо меня запугивать!
- У меня и в мыслях не было пугать вас.
- Значит, я неправильно понял ваши слова?
- Я предостерегаю, а не пугаю.

Этот разговор длился и длился. Посетитель задавал все новые вопросы, получал обтекаемые ответы, которые не удовлетворяли его. Наконец хозяин намекнул, что тема исчерпана.

– Вы ничего толком не сказали! – возмутился посетитель. – Мне нужна конкретика.

– В таком случае вы ошиблись адресом.

Две недели спустя

Серебристая «Тойота» легко мчалась по загородному шоссе. По мере удаления от Москвы промышленный пейзаж сменился лесопосадками, лугами, дачными поселками. Глория приоткрыла окно и наслаждалась свежестью апрельского утра. Деревья по обеим сторонам дороги стояли будто облитые зеленым туманом – такая нежная, светлая пробивалась листва. Стволы берез белели на солнце.

Глории захотелось подснежников. Она подумала, что их время уже прошло... но все-таки притормозила, съехала на обочину. Под елями в густой тени лежали грязные пласты снега. Из леса тянуло холодом. Или это ее вдруг охватил озноб...

Она захлопнула дверцу машины, откинулась на спинку сиденья и вздохнула. Сердце сжалось от болезненной тревоги. Может, вернуться? Зачем ей какая-то захудалая деревушка Прокудинка с темным прошлым и зловещими тайнами? Разве ей плохо жилось все эти годы? Праздно, весело, изобильно. Вон какой подарок сделал ей Толик на день рождения – купил новый автомобиль! Подружки засохнут от зависти.

Кстати, давно они с однокурсницами не собирались на девичник. Только созванивались. У Риты второй ребенок родился, Женя защищает диссертацию, да еще у нее мама слегла... они все в хлопотах, в заботах. Девчонкам не до пустых посиделок. Им не понять, каково это – проводить в скуке день за днем... придумывать себе развлечения и страдать от безделья.

Глории исполнилось двадцать восемь лет, из которых она четвертый год замужем. Дом – полная чаша, диплом врача заброшен за ненадобностью. Супруг зарабатывает достаточно, чтобы обеспечивать ей безбедное и беззаботное существование. К ее услугам салоны красоты, магазины, фитнес-клубы, театры, выставки и презентации. Ее Анатолий преуспевает; он умен, щедр и притом хорош собой. Почему же по ночам подкрадывается тоска, а порой нельзя сдерживать слез? – Ну чего тебе не хватает? – как-то не выдержал муж. – Денег мало? Или приключений ищешь? Так они сами тебя найдут!

Она покрутила глобус, стоящий у мужа на столе.

– Осторожно! Не урони! Это памятный подарок. От одноклассников.

– Не помню, чтобы ты увлекался географией. – Глория нашла на глобусе Францию и заявила: – Поеду-ка я в Европу. В Париж... Одна!

– Да ради бога! Испугала... Хоть завтра отправляйся. Займись шопингом! Шмоток купи. Пройдись по Монмартру... заведи знакомства среди тамошней богемы. Развейся!

– Каким ты стал грубым... – обиделась она. – Тебе наплевать на меня!

– Все нет. Я готов оплатить любой твой каприз...

Он потянулся к ней красивыми губами, чмокнул в щеку. Глория продолжала дуться.

Что-то в их отношениях изменилось, разладилось. Прежняя пылкая любовь превратилась в привычку, ласки и любезности набили оскомину. Анатолий уже не так, как раньше, торопился домой; Глория не считала минуты до его прихода... не так горячо обнимала... не так трепетно целовала... Они реже появлялись вместе на людях, перестали устраивать вечеринки и даже отдыхать норовили порознь. Анатолий осунулся, беспокойно спал и, казалось, постепенно охладевал к жене.

Глория с присущим женщинам чутьем заподозрила беду. А что, если на ее безоблачном семейном небосклоне появились грозовые тучи – предвестники ненастья? Что, если Толик ей изменяет? Если у него завелась любовница?

Версию о любовнице периодически сменяла версия о проблемах с бизнесом. Посредническая компания «Зебрович и партнеры» стремительно взлетела ввысь, а с большой высоты, как известно, больше падать.

Муж все отрицал – и с бизнесом-де у него порядок, и кроме любимой жены ему никто не нужен. Глория верила... и не верила.

– Может, у тебя меланхолия? – приставала она к Толику. – Депрессия? Ты расскажи, облегчи душу. В церковь сходи...

– Ну уж нет! – взорвался он. – Я лучше выпью!

Раньше болезненной тяги к алкоголю у него не наблюдалось. Пил, однако знал меру и всегда мог вовремя остановиться. Теперь муж начал злоупотреблять спиртным. Не часто... от случая к случаю.

Глория украдкой наблюдала за ним. Что надевает, с каким настроением уходит, когда возвращается домой. Она взяла себе за правило внезапно звонить ему на мобильный – в любое время. Он злился, но терпел. Отвечал, что занят... что у него совещание, или обсуждение сделки, или другие не менее важные дела. Глория внимательно прислушивалась к посторонним звукам в трубке. Не проскользнет ли женский голос, музыка, звон посуды, плеск воды в бассейне, которых не должно быть на деловых встречах.

«Я в банке», – отрывисто сообщал супруг. «У нас подписание документов...», «У нас фуршет с иностранцами», «Я не могу отвлекаться! Прости».

Глория ревновала. Это было тем более странно, что раньше именно Толик изводил ее ревностью. Неохотно отпускал одну не то что в заграничную поездку – к подружкам в гости. Звонил, проверял, чуть ли не следил за ней. Ее ужасно раздражали притязания на личную свободу... а теперь они с мужем поменялись ролями. Она ревнует... он раздражается. Казалось, ничто и никогда не заставит ее вести себя столь же глупо и унижительно.

– Не клянись! Не зарекайся! – пробормотала она.

Громкий сигнал чужого автомобиля вывел ее из раздумий. Черный внедорожник сбавил скорость, из окна выглянул улыбчивый парень, помахал ей рукой.

– У вас что-то случилось? Помощь не требуется?

– Нет, спасибо.

– Может, колесо спустило?

– Нет, – покачала она головой.

Шелковый платок на гладко причесанных волосах, темные очки, красная помада. Ее было не узнать. Парень явно заинтересовался Глорией, не торопился уезжать.

– Вы куда направляетесь?

– Никуда... просто дышу воздухом...

Он с сожалением кивнул и покатил мимо. Она проводила взглядом джип, усмехнулась. На нее еще заглядываются, с ней пытаются заигрывать. Мимолетное желание флирта вспыхнуло и погасло. Какой в этом смысл? Случайные интрижки с первым встречным не в ее вкусе.

Она вырулила на асфальт и поехала вдогонку за черным «Паджеро». Шутки ради. Собственно, им было в одну сторону. Парень галантно пропустил ее вперед, потом обогнал. Потом дал обогнать себя...

Глория чуть не проехала нужный поворот – опомнилась, сосредоточилась, потянулась за картой. Так... все правильно, здесь следует свернуть на боковую дорогу... Главное – потом не забуксовать на проселке.

Водитель «Паджеро» увлекся игрой – повернул следом за дамой. Лихо вырвался вперед, подпрыгивая на кочках и выбоинах. Она рассердилась. Это уж совсем некстати.

«Не обольщайся, – съязвило ее второе „я“. – Просто парню с тобой по пути. Человек едет в глушь, на природу... на речку. Костер жечь, шашлык жарить, пить, закусывать. Завтра выходной. А ты возомнила бог знает что!»

У нее отлегло от сердца. «Паджеро» маячил впереди, больше не играя в поддавки. Видимо, правда парень едет на пикник, спешит. Не иначе как его ждут друзья.

Дорога петляла. Между вековых деревьев таился влажный сумрак. Блестели темные озера талой воды. «Паджеро» скрылся, пропал из виду.

Глория высматривала указатель на Прокудинку... его не было. Впрочем, тут заблудиться трудно. Одна раздолбанная грунтовка, с которой не свернешь. Нужно приноровиться, чтобы не угодить колесом в мокрую колею. Глория не имела опыта езды по проселочным дорогам и боялась застрять. Если вдруг дождь пустится, отсюда без трактора не выберешься...

Она окинула взглядом небо – кажется, пока чистое. Над лесом солнце поднялось выше. Ветер приносил из чащи запах прелой хвои. Скоро заросли поредели, стали попадаться вырубки, покрытые кустарником, и везде в низинах тускло светилась вода.

– Гиблое местечко... – вырвалось у нее. – Вот уж где медвежий угол! Кому пришло в голову строить тут дачу?

Хотя... дом мог достаться Нефедовым от дедушки с бабушкой. Многие тогда проводили лето в деревне. Некоторые дачники нарочно выбирали места поглуше, чтобы вкусить истинно деревенской жизни. Чем дальше от цивилизации, тем слаще воздух и звонче петухи.

Дорога медленно поднималась. Низины, залитые талыми водами, остались позади. Березовая роща, молодой сосняк, синее небо развеселили Глорию. Не так уж тут мрачно. Она ехала не торопясь и, когда за очередным поворотом грунтовки показались поля и огороды, ахнула от неожиданности... Деревенька Прокудинка раскинулась далеко впереди, среди голых еще садов, – деревянные дома, крыши, трубы, из которых идет дым. Как на картинке! Но больше всего Глорию поразил «Паджеро». Внедорожник развернуло поперек, перегородив путь... дверца со стороны водителя была распахнута... парень сидел неподвижно, откинув голову назад.

Она не сразу заметила второго молодого человека – довольно грузного, – который что-то искал в машине. Оказалось – аптечку. Футляр с красным крестом произвел на Глорию эффект. В ней проснулся инстинкт врача, обязанного оказать помощь любому нуждающемуся.

«Тойота» замерла метрах в десяти от внедорожника, Глория открыла дверцу и крикнула:

– Эй, ребята! Что случилось?

Как будто она не понимала. Водителю стало плохо, он потерял управление и...

– У Игорехи сердце прихватило, – обернулся к ней грузный. – Чего делать-то? Врача бы...

Глория смешалась. Парень совсем недавно не выглядел больным. Откуда вдруг сердечный приступ?

– Надо «скорую» вызывать... – неуверенно предложила она. – У вас телефон есть?

– Какая «скорая»? Вы че? Пока она сюда допилит, братан же окочурится!

Грузный совал водителю под нос ватку с нашатырным спиртом. Во всяком случае, Глория так подумала. Но тот не подавал признаков жизни.

– Может, у вас что-нибудь сердечное имеется?

В аптечке должен был быть нитроглицерин или валидол, и она вышла из машины, полезла в багажник искать. Грузный суетился возле товарища. Вероятно, он ехал на заднем сиденье, невидимый за темными стеклами «Паджеро».

– Черт!

Глория сломала ноготь и выругалась. Почему-то она боялась приближаться к больному. Неужели забыла клятву Гиппократата? Или деньги сделали ее черствой и бездушной? Чем она может помочь здесь, посреди дороги, этому парню? У нее нет с собой ни нужных лекарств, ни фонендоскопа... ничего...

«Зато у тебя есть руки и голова! – одернула она себя. – Пойди хотя бы пульс проверь, размазня!»

Устыдившись своей нерешительности, Глория схватила упаковку с таблетками и двинулась к «Паджеро».

– Я врач, – зачем-то брякнула она.

Цвет лица водителя вселил в нее надежду, что все не так трагично. Парень дышал, но оставался без сознания. Грузный обрадовался и с готовностью уступил ей место. От него несло то ли одеколоном, то ли кремом для бритья. Он быстро оглянулся по сторонам. Вокруг простирались вспаханные рыжие поля и лоскуты огородов. В бороздах бродили птицы, выискивая червячков и личинок. Вдалеке, у дощатых амбаров, приткнулся ржавый комбайн...

Глория наклонилась к больному и дотронулась до его запястья. Рука была теплой и шевельнулась. Парень крепко обнял ее за шею, притянул к себе... сзади навалился второй. Крик женщины утонул в резких удушливых парах эфира...

Глава 2

Зебрович начал звонить в больницы и морги, когда наступила полночь, а от жены не было ни слуху ни духу. Ее машины на стоянке не оказалось, ее мобильный телефон молчал. Чего он только не передумал за этот ужасный вечер! Наконец не выдержал, несмотря на позднее время, потревожил сначала родителей Глории, потом подруг – Женю и Риту. На один и тот же вопрос Анатолию отвечали одинаково: не появлялась... не звонила...

– Что с ней, Толик? – рыдала теща. – Может, в аварию попала?

У тестя подскочило давление. Подруги с затаенным злорадством выпрашивали подробности исчезновения Глории, делали недвусмысленные предположения. Зебрович их отметал. Жена с ее взбалмошностью могла выкинуть какой-нибудь фортель, но бросить все и податься из дому, не сказав никому ни слова, – нет, Глория на такое не способна.

Он открыл стенной сейф и проверил документы и деньги. Большой суммы наличкой он в квартире не хранил. Они с женой пользовались банковскими карточками. Деньги лежали на полке в целости, бумаги тоже. Выходит, Глория взяла с собой только карточку и паспорт, как обычно. Она носила их в сумочке...

– Боже мой! – простонал Зебрович и скрипнул зубами. – Боже мой... Глория!

Может, она решила проучить его? Напугать? Грозилась же уехать в Париж... Впрочем, ее заграничный паспорт остался в сейфе.

После полуночи он позвонил своему начальнику охраны. Тот спросонья не понимал, о чем говорит шеф.

– Погодите паниковать, Анатолий Валентинович! В городе полно ночных заведений. Женщины иногда тоже любят оторваться на всю катушку...

– Ты что себе позволяешь? Моя жена обязательно предупредила бы!

– Ну, тогда...

Зебрович уловил его зевок и взбеленился. Глория пропала, а этот тупица несет сущую околесицу! Да еще зевает!

– Слышишь, ты? За что я тебе бабки плачу? За сладкие сны? Вставай... поднимай ребят, звони кому следует... Ищите ее! Ищите! У тебя есть свои люди в ГИБДД?

– Есть...

– Поднимай их на ноги! Я не жадный – никого не обижу.

– Она на машине уехала?

– Ясно, что не верхом на осле! Ты номера ее хоть помнишь?

– Номера? Помню... – не сразу отозвался начальник охраны.

«Идиот! – чуть не вырвалось у Зебровича. – Кретин! Небось до сих пор не дошло, что случилось!»

– Ищите ее «Тойоту», – взяв себя в руки, добавил он. – Машина – не иглолка в стоге сена. К утру не найдете – уволю к чертовой матери!

У него начиналась истерика. Так не годится.

Он достал из бара бутылку виски и хлебнул прямо из горлышка. Потом еще и еще. Спиртное будто растворялось в скованном напряжением теле, рассасывалось без следа. Зазвонил телефон. Зебрович схватил трубку, разочарованно пробормотал:

– Это ты, Петя?

Смешно было надеяться, что он услышит виноватый голос жены.

– Я уже в курсе, – сообщил его заместитель Колбин. – Не паникуй, прошу тебя. У женщин бывают заскоки! До утра что-нибудь выясним... обязательно. Если вы накануне поссорились, то...

– Мы не ссорились!

– Хорошо, хорошо... Выпей водки и постарайся уснуть.

– Шутишь? Моя жена пропала... понимаешь? Она ни разу без предупреждения не уезжала на ночь!

– Все когда-нибудь происходит впервые... – философски заметил Колбин. – В любом случае психовать бесполезно. Возможно, Глория решила повеселиться, перебрала текилы и спит в гостевом номере женского клуба...

– Она не пьет текилу!

– Да знаю я, знаю...

Дурные предчувствия сбываются – теперь Зебрович окончательно в этом убедился. Недаром у него пропали сон, аппетит и даже либидо. А какими страстными, бурными были их с женой первые ночи. Он просто с ума сходил по ней... готов был очертя голову броситься куда угодно: в самую рискованную авантюру, в бездну... в смертельную схватку...

Кажется, алкоголь все-таки подействовал – Зебрович немного расслабился и погрузился в воспоминания молодости. Его одолела дрема, исполненная сладкой отравы прошлого. Они с Глорией были созданы, предназначены друг для друга. Разве мог он влюбиться не в нее? Его закадычный дружок Пашка Нефедов тоже души не чаял в первой красавице их двора – длинноволосой и длинноногой Глории.

В ней все было необыкновенным: имя, лицо, прическа, не по-девичьи точеная фигурка, одежда, увлечения. Другие девчонки ходили в музыкалку, в кружки вязания, в спортивные секции... и только Глория посещала школу шахмат на Ордынке, раскладывала карточные пасьянсы и препарировала лягушек.

– Тебе их не жалко? – как-то спросил Толик.

– Жалко. Но я должна... Я буду врачом! – гордо заявила девочка. – А у каждого врача – свое кладбище.

Она с детства выглядела, вела себя и выражалась как взрослая. Это сбивало с толку и... привлекало. Ее подружки щеголяли в коротких юбках и джинсах, стриглись по-модному, покуривали. Глория же носила исключительно платья, волосы закалывала на затылке в узел, а брюки надевала по необходимости – на физкультуру или загородную прогулку. При всем том она не являлась «синим чулком», не особо прилежно училась, а в разговоре не гнушалась жаргонными словечками. Толик с Пашкой ходили за ней хвостом; раскрыв рот, слушали ее глубоко-мысленные рассуждения, помогали ей хоронить останки лягушек, послуживших для медицинских опытов, и тайно соперничали. Как ни странно, при этом соперничестве детская, а потом и юношеская любовь к Глории сплотила их, сделала неразлучной троицей.

Когда молодежь повально захватили компьютеры, Глория устояла. Заразная болезнь «игромания» миновала ее, и она тем самым уберегла от сего наваждения и Толика с Пашкой. Глория предпочитала чтение книг, и парни невольно подражали своему кумиру. Ее родители были инженерами, жили скромно, воспитывали дочку в свободном духе, не изводили поучениями, но сумели привить ей любовь к хорошей литературе.

– Мы назвали ее в честь Глории Фуэртес¹, – на одном из домашних праздников признался отец. – Надеюсь, это имя принесет ей удачу!

И с чувством процитировал:

Я мир обетованный! Я владею
Искусством счастья: как одновременно
Богатства не иметь и быть счастливой,
И не страдать, хоть я несовершенна.²

¹ Глория Фуэртес (1918–1998) – испанская поэтесса лирического направления.

² Отрывок из стихотворения Глории Фуэртес.

Этими поэтическими строками он выразил моральное кредо, культивируемое в их семье. Его жена украдкой смахнула слезу. На каждом дне рождения Глории Толик и Пашка были в числе приглашенных. Глория сидела за столом, потупившись, и загадочная улыбка блуждала на ее устах. О чем она думала, слушая хвалебные оды друзей и трогательные пожелания родителей? Бог весть...

Вряд ли найдется человек, который не боролся бы с внутренними противоречиями – скрытыми или явными. Глория являлась воплощением мирного сосуществования этих противоречий. Она как будто соответствовала идеалам своей семьи и в то же время была далека от них. Не будучи меркантильной, девушка, тем не менее, вовсе не считала богатство помехой счастью. Наоборот, мечтала об обеспеченной жизни. Она могла забежать в ювелирный магазин полюбоваться дорогими украшениями или застыть у освещенной витрины салона модной одежды.

Оба поклонника невольно прониклись убеждением: стихи стихами, а деньги зарабатывать придется немалые, чтобы угодить Глории. После школы Толик поступил в финансовую академию, а Пашка – в политехнический. Ему прочили научную карьеру. Он еще на студенческой скамье принимал участие в разработке компьютерных программ и подавал большие надежды. Учеба стала следующим витком их необъявленного соперничества. Это подстегивало, заставляло напрягаться и брать высоту за высотой.

Глория же с головой окунулась в медицину. Первый курс дался ей легко – она сутками с упоением зубрила латинские термины и корпела над анатомическими атласами. Постепенно ее интерес ослабевал, и на третьем году учебы Толик с Пашкой заметили у нее на столе трактаты Парацельса и Авиценны.

Пашка взял в руки почерканную фломастером брошюрку и прочитал название:

– «Лабиринт заблуждающихся медиков».

– Подумать только! – горячо воскликнула девушка. – Это написано в середине шестнадцатого века! По-моему, они до сих пор не вышли из лабиринта...

– Да?

Друзья едва ли не впервые поспорили. Мужчины отстаивали материалистическую точку зрения на мир и человека, Глория утверждала обратное. Казалось, ей доставляло удовольствие ставить их в тупик своими вопросами. Они так и не пришли к единому мнению, хотя к спору больше не возвращались.

Получив диплом врача, Глория наотрез отказалась работать по специальности. Практика, проведенная в терапевтическом отделении районной поликлиники, вымотала ее морально. Родители, которые изо всех сил тянулись, чтобы дать дочери достойное образование, чуть не заболели. Горестное недоумение – вот что они испытывали, глядя, как дочь бездельничает и ничуть не тяготится этим позорным положением вещей...

– Если не собираешься лечить людей, тогда замуж выходи, что ли! – с болью и растерянностью заявил отец. – Выполни предназначение женщины!

– Какое еще предназначение? – возмутилась Глория.

Она не комплексовала и была уверена как в своей внешней неотразимости, так и в своем внутреннем совершенстве. Но идея с замужеством запала ей в голову. Она будто проснулась и посмотрела на преданного друга Толика Зебровича другими глазами. Чем не жених? И все же она почему-то медлила, не позволяя ему слишком приблизиться к себе. Глорию тянуло к Толику – тем отчаяннее она сопротивлялась, разжигая его и без того объятые пламенем сердце. Она подвергла давнего поклонника опасному испытанию... которое подталкивало их чувства к надлому и разрыву...

Неразлучная тройца к тому времени распалась самым неожиданным и трагическим образом. Пашка Нефедов, весельчак и балагур, поехал на зимнюю рыбалку и погиб. Нелепо,

гупо... Лед на речке оказался слишком тонким, и Пашка провалился в воду. Хотя до берега было рукой подать, выбраться ему не удалось. Никто не пришел ему на помощь. Пашка любил уходить в одиночестве, наслаждаясь тишиной и нетронутой красотой природы. Это его и погубило. Всю ночь валил снег... Хватились Нефедова не сразу. Родители забились тревогу, когда он не вернулся в понедельник домой. Тело искали целую неделю. Подводным течением его отнесло вниз, и обнаружили труп только весной, когда он всплыл совершенно в другом месте...

Потерю друга Толик и Глория переживали по-разному. Он ходил сам не свой, отвечал невпопад, перестал спать и пробовал прикладываться к бутылке. Опыание на время глушило боль, но потом становилось еще хуже. Когда Нефедова хоронили, Толик решил не ходить на кладбище.

– Так я буду думать, что Пашка жив... просто уехал в долгую командировку, – объяснил он Глории.

Она не могла поверить в смерть Нефедова, как вообще не верится в смерть молодому и здоровому человеку. Хотя в больницах ей приходилось видеть умирающих, но то были чужие, незнакомые люди... которые росли и выросли где-то в другой реальности, не катались с ней на санках, не смеялись над одними и теми же шутками, не сидели за одним столом, не дарили ей цветы и подарки...

Процедура похорон произвела на нее отталкивающее впечатление. Эти страшные комья земли, падающие на гроб, эта душераздирающая музыка и запах елочных венков не одну ночь мучили ее кошмарами. Глория отгородилась от смерти Пашки пеленой забвения – гнала от себя мысли о нем, убрала на антресоли альбом с фотографиями. По обоюдному немому согласию Толик тоже старался не упоминать о друге... Они щадили себя, и этот тайный сговор объединил их прочнее клятв и обещаний.

Их осталось двое. Третий ушел, разрушив пресловутый любовный треугольник... и, по сути, освободил сопернику дорогу к сердцу Глории. *Освободил ли?* Анатолию продолжало казаться, что между ним и женой постоянно присутствует чья-то тень...

Зазвонил мобильный, и Зебрович вздрогнул, открыл глаза. Он уснул, сидя в кресле, одетый, на коленях – недопитая бутылка виски. О Господи...

Он осторожно поставил бутылку на столик. В комнате стоял лиловый утренний полумрак. Пахло спиртом – немного виски пролилось на брюки и на ковер. Телефон разрывался. Зебрович взял трубку.

– Мы нашли ее машину! – устало сообщил Колбин. – Ты как?

– Я в порядке.

Анатолий все еще не очнулся от сна.

– Она стояла на Дмитровском шоссе, за объездной... на обочине...

– Кто? Что с ней? Она жива? – Он почти кричал, боясь услышать ответ Колбина. – Вы привезли ее?

– Да... «Тойота» цела, на ней ни царапинки...

– К черту «Тойоту»! Где Глория?

– В машине ее не было...

Тело Зебровича покрылось испариной, губы онемели.

– А... какие-нибудь следы... кровь...

– Никакой крови. Личных вещей мы тоже не нашли. Ключи торчали в замке зажигания.

На заднем сиденье валялась открытая аптечка... разбросаны бинты, лекарства. Как будто твоей жене стало плохо и она пыталась оказать себе помощь...

– А кровь?! Кровь?!

– Крови нет, – повторил Колбин. – Я сам все облазил, проверил...

– Где этот кретин Лавров?

Босс недолюбливал начальника охраны, и Колбин это знал.

– Был с нами... Его знакомый из ДПС обнаружил машину Глории. Они думают, имело место дорожное ограбление.

Он чего-то недоговаривал.

– Почему Глория бросила «Тойоту»? – упавшим голосом спросил Зебрович.

Заместитель мялся...

– Да говори же! Черт тебя дерит!

– Мы осмотрели окрестности... никаких следов. Собака тоже покрутилась по асфальту, и на том все. По моему мнению, машину нарочно оставили на обочине...

«Зачем Глорию понесло на Дмитровское шоссе? – недоумевал бизнесмен. – В той стороне никто из наших общих знакомых не проживает, дач не держит...»

До него постепенно доходил смысл намеков Колбина. И от этого волосы на голове зашевелились.

– Полагаешь, ее похитили?

Заместитель нервно кашлянул.

– Похоже на то... Судя по всему, Глория сама вышла из машины... и больше в нее не садилась. Автомобиль отогнали подальше от места похищения, чтобы... В общем, сам понимаешь...

– Это тебе Лавров наговорил?

– На сей раз он прав.

Зебрович застонал и запустил телефоном в стену. Тот жалобно хрустнул, на паркет со стуком посыпались детали. Супруг Глории догадывался, чего потребуют похитители. Заплатит он или нет, жену в любом случае убьют.

– Господи... – пробормотал он дрожащими губами. – За что?..

Глава 3

Она судорожно вздохнула и приоткрыла глаза. Веки были тяжелыми, в горле стоял запах и привкус эфира. Ее окружала тусклая белизна... вверху, по бокам... везде. Такая белизна бывает только в больницах... «Я в клинике! – осенило Глорию. – Отхожу от наркоза... Что со мной? Была операция?» Страх пробудился раньше остальных чувств и наполнил тело и разум. Она терялась в догадках, сердце забилось, по коже прокатился озноб.

«Какая операция? Я ничего не помню...»

Губы и язык не слушались, руки и ноги затекли, не шевелились. Глория не сразу сообразила, что привязана к койке. Где это связывают больных? Она что... в психушке?

Ужас застыл в груди ледяным комом, во рту пересохло. Она с трудом повернула голову – ничего не увидела, кроме белизны. Может, позвать сестру? Ужас сковал голосовые связки, и, сколько она ни напрягалась, из уст вырывалось только слабое шипение.

«Такое бывает во сне... Я сплю, мне снится кошмар... Нужно сделать усилие и проснуться...»

Набрякшие веки опустились, и сознание Глории снова погрузилось во тьму. Постепенно темнота рассеивалась, в ней возникали цвета и звуки... движения... запахи... Опять эфир! Глория вспомнила молодое, гладко выбритое лицо, чью-то руку у себя на шее... потом все обрывалось.

«Давай же! – мысленно подбадривала она себя. – Давай, Глория, начни сначала... Ты сможешь! Ты всегда была умницей...»

Она шаг за шагом восстанавливала в памяти свое недавнее прошлое. Оно дробилось на множество фрагментов, которые не желали складываться в общую картину. Но кое-что ей удалось вспомнить...

Письмо! Его доставил посыльный... Он был похож на встрепанного испуганного воробья – маленький, юркий, с бегающим взглядом. В обычной одежде, с невымытыми волосами, с хохолком на макушке. Он ждал вознаграждения, и Глория сунула ему пару мелких купюр. Парень суетливо поблагодарил и побежал вниз по лестнице. А она стояла, ощущая бешеное биение пульса в висках, и смотрела ему вслед...

Когда дела у Толика стремительно пошли в гору, они поселились в приличном доме с консьержем. Посыльный откуда-то узнал ее новый адрес. Впрочем, о чем она? Ведь человек, который прислал ей письмо... давно умер.

Глория попробовала пошевелить руками и ногами, что отозвалось болью в лодыжках и запястьях. Очень хотелось пить.

– Эй... – прохрипела она. – Воды...

У нее получилось лучше, чем в первый раз. Уже не сипение, а членораздельные слова, хоть и едва слышные. Правда, никто на ее просьбу не откликнулся...

Перед ее внутренним взором все еще стояла та тревожная картина – прихожая их с Толиком квартиры... она с письмом в руках, с дрожью в коленках... с пустотой под ложечкой. Адрес на конверте напечатан, получателем указана Глория Зебрович, а отправителем...

У нее перехватило дыхание, потемнело в глазах, буквы расплылись, разбежались в разные стороны. Отправителем был... Павел Нефедов! Глория без сил съехала по стенке и опустилась прямо на мягкий восточный ковер...

Кажется, она потеряла сознание... на миг или несколько минут. Все смешалось в ее голове, в ушах зазвенело.

– Этого не может быть... не может быть...

Она проводила его в последний путь... бросила горсть земли на крышку его гроба... *Закрытого* гроба! Но ошибка исключалась. Пашку опознали родители. Ни у кого не возникло сомнений по поводу найденного в реке тела... ни у следователя, ни у близких.

– Не может быть... – словно помешанная, шептала Глория. – Он мертв и лежит на кладбище...

Ее зубы выбивали мелкую дробь. Почему-то вспомнились их первые жаркие ласки в лесу, на поляне, заросшей медвяными травами... среди колокольчиков и кашек, под гул пчел и стрекот кузнечиков... Тогда Глории казалось, что она любит Павла. Он был у нее первым, с ним она познала вкус страсти, удовлетворила свое сексуальное любопытство и осознала свою чувственность. Любопытство – вот что толкнуло ее в объятия молодого человека. Безрассудная юность жаждала наслаждений! Ее ли вина, что вспыхнувшее влечение длилось не больше месяца?... Полюбила – разлюбила... остыла...

Пашка же загорелся всерьез. Близость с Глорией стала для него мучительным и болезненным опьянением, словно первые затяжки курильщика опиума. Он уже не мог без нее, а она не хотела продолжения. Прежняя дружба казалась невозможной, но Нефедов, в надежде на возобновление отношений, превозмог себя и ничем не выдал их общую тайну. «Трое неразлучных» все так же проводили время вместе: встречались, гуляли, отмечали дни рождения и праздники. А потом жизнь... вернее, смерть одного из них сама поставила точку в этой неразделенной страсти. Для Глории такая развязка грянула громом. В глубине души она раскаивалась, искала причину своего охлаждения, однако не находила. Есть вещи, которые не имеют очевидного объяснения. Сначала она как будто бы соблазнила парня, а затем безжалостно отвергла. Ее мимолетный каприз привел к непоправимым последствиям. Не то чтобы она считала гибель Павла самоубийством... но мысль об этом приходила ей в голову. Если бы не удар, который нанесла ему Глория, он был бы жив. Когда у человека ломается внутренний стержень, он невольно ищет смерти...

Почему на месте Пашки не оказался Анатолий? Задавать себе этот вопрос было бесполезно. Пашка выглядел более решительным, более самоотверженным в любви... Он не стеснялся открыто выражать свои чувства, оставаясь с ней наедине. Тогда как Зебрович сдерживался, боясь получить отказ. Самолюбие брало в нем верх над любовью, и это отталкивало Глорию. Она безотчетно желала полной власти над мужчиной... полного подчинения, полной отдачи.

Был и другой сдерживающий фактор. Друзья понимали, что в случае, если Глория окажется одному из них предпочтением, второму придется не сладко. Вряд ли даже самая крепкая мужская дружба выдержит подобное испытание. Павел интуитивно оттягивал момент признания, а когда Глория остыла, это вообще потеряло смысл. Догадывался ли Зебрович о том, что произошло между другом и Глорией? Если да, то не менее тщательно скрывал свои догадки...

Правда ли, что любовь окрыляет и делает человека ясновидящим? Бытует мнение, что она ослепляет и лишает рассудка. Верно и первое и второе. Любовь – самая загадочная из всех страстей человеческих. Самая изнурительная, самая иллюзорная и самая непостижимая...

Почему Павел, а не Толик? Глория много думала над этим после гибели Нефедова. Просто обстоятельства сложились так, а не иначе. Есть же судьба, рок! Зебрович был слишком красив, слишком умен, слишком предприимчив. Рядом с ним женщина рисковала стать тенью... А Глория могла играть в любовной партии только первую скрипку. Во всяком случае, она так думала.

Замужество никогда не прельщало ее. Она не строила планов будущей жизни. Она бунтовала, ломала прутья клетки, куда ее пока что никто не запер. Она ни о чем не мечтала! Перед ней словно расстилался чистый лист, на котором не проступало ни строки, начертанной провидением...

Смерть Павла надломила Глорию. Хотя этого не должно было произойти. Она сожалела о чувстве, которое не успело поселиться в ее сердце. Трепет плоти не стал трепетом души. Любовный треугольник как будто бы распался, но *вечный третий* продолжал существовать. Возможно, необъяснимая пугающая безысходность толкнула ее на брак с Зебровичем. Возможно, земное и плотское заявило о себе в полный голос... а она не сумела противиться этому зову. Да и зачем? Разве не следует всему живому стремиться к блаженству?..

Скрип железной двери заставил Глорию вздрогнуть и очнуться. Она вынырнула из смутного полубреда и увидела мужчину... его лицо показалось знакомым.

– Ну вот, а ты говорил, типа большая доза, – сказал он, наклоняясь к ней. – В самый раз! По крайней мере, блин, лежит спокойно и никаких хлопот.

Подернутый пеленой беспамятства взгляд женщины ничего не выражал.

– Она оклемается?

– Уже оклемалась. Ничего ей не сделается! Холеная телка... типа здоровая... племенных кровей! Жаль, покувыркаться с ней нельзя.

Он глумливо захохотал. Рядом с выбритым мужским лицом появилось второе – круглое, большое и покрытое щетиной. Обоих Глория уже где-то видела.

– О! Гляди-ка, моргает. Привет, крошка! – осклабился бритый. – Как тебе здесь? Нравится?

– Отстань от нее, Игореха.

– Что, даже поболтать нельзя?

– Отстань, сказал.

Из них двоих тот, что с большим круглым лицом, явно был главным.

– Не борзей, Гога! Нам тут еще неделю торчать.

– Товар портить запрещено, – хладнокровно парировал толстяк. – Эй, ты, врачаха! – обратился он к Глории. – Есть хочешь?

– Пить...

Он повернулся к приятелю.

– Принеси ей воды!

Игореха, выругавшись, повиновался. Опять заскрипела дверь. Он быстро вернулся и поднес к губам пленницы горлышко маленькой пластиковой бутылки. Она не смогла сделать лежачий глоток. Вода, пролившись, потекла по ее подбородку и шее.

– Блин! Надо бы ее поднять...

– Ничего, приспособимся.

Гога отобрал у напарника бутылку и помог Глории напиться. Она хотела спросить, где она и что с ней... но губы едва шевелились, а язык одеревенел.

– Ты спи, врачаха, – сказал ей толстяк. – И ни о чем не думай. Авось все обойдется. В жизни и не такие переделки бывают.

Парень, которого он называл Игорехой, кивал и скалился. С правой стороны у него не хватало двух зубов.

– Сколько нам за нее дадут? – спросил он у Гоги.

– Много...

– Здорово! А когда?

– Не твоего ума дело! – отрезал толстяк.

– Ладно... пойдём ужинать. – Игореха с сожалением поглядывал на Глорию. – Хороша Маша, да не наша! Водка здесь есть хотя бы?

– Есть... только спиртное употреблять не велено.

– Что ж нам, блин, на сухую париться?

– Заткнись, – невозмутимо буркнул Гога. – Сказано: стеречь и ждать указаний. Вот и жди.

– Может, ей рот заклеить? А то типа начнет орать!

– Пускай орет... все равно никто не услышит. Подвал глубокий, место глухое... вокруг ни души.

Парень все суетился, приклеившись взглядом к тесно обтянутой кашемировым свитером груди пленницы.

– Ну раздеть-то ее не запрещается? Только типа раздеть! От нее не убудет! А, Гога?

– Зря слюни распускаешь, – усмехнулся толстяк. – Заказчик у нас серьезный. Шутить не советую.

– Вот, блин, облом!

– Хватит ныть, пошли.

Заросший щетиной увалень чуть ли не силой потащил напарника прочь. А Глория, оцепеневшая и разбитая, осталась лежать на своем жестком ложе. Глаза против воли слипались... мозг боролся с остатками лекарственного дурмана. Ей вкололи сильное снотворное, это ясно... Она перестала сопротивляться, и сон смежил ее подведенные краской веки. Последним, что она вспомнила, был черный внедорожник, который позволил ей обогнать себя на грунтовке...

* * *

Колбину еще не приходилось видеть босса в такой прострации. Тот был пьян и едва ворочал языком.

– Тебе нельзя раскисать, – сказал он, подбирая с ковра пустую бутылку из-под виски. – Глории больше не на кого надеяться.

– Все... все пропало... Ее уже не спасти...

– Тебе уже звонили насчет выкупа?

– Нет...

Это было странно. По всем канонам похищения с целью наживы или шантажа злоумышленникам пора бы заявить о себе. Однако телефоны Зебровича молчали. Вернее, звонил кто угодно, кроме похитителей. Поиски тоже не дали результатов.

– Может, заявить в милицию? Они подключат спецов... у них свои методы...

– Поздно! П-поздно, Петя... Это конец.

– Вижу, ты опустил руки. А как же Глория?

Анатолий полулежал в кресле – в расстегнутой рубашке и мятых брюках, вялый, с опухшими от бессонной ночи глазами. Возможно, он плакал. От слов Колбина он дернулся, будто его ударили.

– Я сломался, Петя... Понимаешь? Глорию не вернуть. Даже если я соглашусь на их условия. А они пока ничего не требуют! Не торопятся... Они просто решили убить ее... Или уже убили. Теперь они станут блефовать. Дадут мне послушать ее голос в трубке... или пришлют ее палец в картонной коробке...

Он был словно в горячке. Колбин не хуже босса осознавал положение вещей. Голос жертвы похитители могут записать и потом выдавать запись за живой звук. Такие трюки не редкость. Палец в коробке тоже из разряда шоковых методов воздействия... Сохранять спокойствие и здравый рассудок легко со стороны, когда подобные штуки не касаются твоих близких. Впрочем, и со стороны не легко...

Заместитель смахнул пот со лба и подумал:

«Они нашли его уязвимое место. Ахиллесову пяту любого человека. Есть люди, которым неведомо сострадание! Этакое неумолимые машины, готовые ехать по трупам...»

– Я знаю, как тебе тяжело, Анатолий...

– Что ты знаешь? Что?! – взвился тот. – Разве ты можешь знать?.. Разве кто-нибудь может?..

Колбин устало опустился в кресло напротив, вздохнул.

– Хорошо... Как быть дальше? Будем искать сами или...

– Сами! Менты все испортят.

– Я бы все-таки...

– Я уже слышал твой совет! Молчи, ради бога.

Вид заместителя, который ждал дальнейших распоряжений, каким-то образом мобилизовал Зебровича. Хмель выветривался, и его ум медленно, с натугой заработал.

– Вы всех опросили?

– Всех, кого могли... кто попал в поле зрения...

– И что?

– Ничего. Абсолютно! Только консьержка...

– Консьержка? – вскинулся Анатолий.

– Из вашего дома, – кивнул Колбин. – Она сказала, что вчера утром к вам приходил посыльный. Обычный парень, не очень опрятный. Она обратила внимание на его неряшливый вид. Он объяснил, что обязан доставить письмо лично в руки адресату.

– Какому адресату?

– По-видимому, тебе или твоей жене. Посыльный назвал номер вашей квартиры и фамилию. Консьержка позвонила Глории, та была дома... В общем, он отнес письмо.

– Какое письмо?

– Не знаю, – развел руками Колбин. – Посыльный его не показывал. Через некоторое время он спустился и вышел. Потом консьержка сделала себе травяной чай. У нее большие почки, и она...

– Дальше что было? – перебил Зебрович. – Она видела Глорию?

– Да. Примерно через час твоя жена спустилась в холл, чем-то озабоченная... прошла мимо консьержки, даже не взглянув на нее... и все. Больше не возвращалась.

– И все?

Колбин взял со стола салфетку и промокнул лицо. Он потел, когда нервничал.

– Консьержка едва узнала Глорию. Та повязала на голову платок и надела темные очки. В принципе, ничего особенного... вчера было солнечно. И прохладно, – добавил он, поразмыслив.

– А платок? – Зебрович сдвинул брови. – Глория не носит платков! То есть... я не помню, когда она надевала бы платок.

– Ну... а вчера надела. В нынешних обстоятельствах каждая деталь имеет значение.

Бизнесмен сидел, уставившись в одну точку, и напряженно размышлял.

– Ты хочешь сказать... что она постаралась изменить внешность?

– Зачем-то твоя жена надела платок?

Пауза затянулась. Колбин ждал ответа, Зебрович молчал. Он понятия не имел, куда отправилась Глория вчерашним утром. Ясно одно – она вышла из дому добровольно. Никто ее к этому не принуждал.

– Ее выманили! – выпалил он. – Они заранее все просчитали. У них был план.

– Полагаю, да.

– Но Глория не говорила мне ни о каком письме! – спохватился Анатолий. – Я рано выехал... был в офисе, подписывал бумаги! Почему она мне не позвонила?

– Видимо, в письме ничего экстренного не оказалось. Оно не обязательно связано с ее исчезновением. После того – не значит вследствие того.

Эта тривиальная фраза взбесила Зебровича.

– Давай обыскивать квартиру! – заявил он. – Если письмо не имеет отношения к случившемуся, оно должно где-нибудь валяться. На полке в прихожей... или в мусорной корзине...

Они с Колбиным перевернули все вверх дном, однако никакого письма не нашли.

Глава 4

В детстве, едва Глория начала осознавать свои сны, у нее появилась вторая жизнь. Смутная и странная, которая проходила в каком-то тумане, обрывках разговоров, мелькании световых пятен и сумеречных теней. Проснувшись, девочка долго не могла сосредоточиться и сообразить, где она на самом деле находится – у себя в спальне или в бесконечной анфиладе комнат с колоннами, с огромными окнами до пола и фресками на потолках. Окна были распахнуты... за ними шумел темный сад. По комнатам скользили призрачные фигуры. Женщины, то в шелках и бархате, то совершенно обнаженные, шептались между собой. Иногда за их спинами прятались крылья... иногда они держали в руках блестящие предметы: оружие, кувшин, скипетр, книгу... Мужчина, одетый с царской пышностью, беседовал с нищим отшельником... Священник прогуливался под руку с судьей... Лукавый амур натягивал тетиву своего золотого лука...

Среди персонажей этого пестрого карнавала можно было заметить кого угодно – чертей, грешников, шутов, ангелов, влюбленных и даже саму смерть. В гуще сада таились развалины старинной башни... а по вымощенной камнями аллее вдруг пронеслась, грохоча, колесница с молчаливым возничим... Однажды Глория чудом избежала участи быть раздавленной неумолимыми колесами. Она замешкалась, а возничий и не подумал придержать коней...

Проснувшись, она долго не могла отдышаться и прийти в себя. Сердце неистово колотилось, как будто Глория пробежала стометровку на уроке физкультуры.

Глория выросла, а сон оставался неизменным. Она никому не рассказывала про анфиладу комнат, населенных таинственными существами. Даже матери. Наложенное неведомым образом внутреннее табу казалось непреодолимым.

Повторяющийся сон стал частью ее натуры, такой же, как привычка часами просиживать над шахматной доской или отбрасывать мысли о будущем. Подружки Глории мечтали о женихах, о белых платьях на свадьбе, о детях... о том, чтобы обзавестись отдельной квартирой и купить машину. Пашка строил планы научной карьеры, получения докторской степени и работы в престижной фирме. Толик грезил прибыльным бизнесом. И только она чувствовала себя гостьей на чужом празднике жизни. Врача из нее не получилось, великая шахматистка не состоялась, участь домохозяйки не прельщала. Чего бы ей хотелось, она не знала. Подружки постепенно отходили в сторону. Родители старели. Павел погиб. Она вышла замуж за Анатолия... и продолжала ощущать себя не в своей тарелке. Плыла по течению реки, воды которой грозили поглотить ее. И вот поглотили...

Глория наконец вспомнила, как оказалась взаперти, привязанной к жесткой узкой койке с железной спинкой. Черный «Паджеро» не заигрывал с ней – он за ней охотился. Водитель неспроста прикидывался таким милым, вежливым и улыбочивым. Он готовил западню, куда она угодила как последняя дура! Клятва Гиппократы подвела ее под монастырь... Не надо было выходить из машины! Не надо было верить первым встречным...

Не клянись! Не зарекайся!

Глория застонала и попыталась пошевелиться. Больно. Запястья и лодыжки стянуты веревками, тело затекло, в горле пересохло. Хочется в туалет... Что-то мокрое и теплое скопилось в уголках глаз и побежало по вискам. Слезы. Она плачет... А что ей еще остается?

Она вспомнила, как очнулась в чужом автомобиле, на сиденье, пахнущем пылью и кожей, как лежала без сил, без мыслей, с привкусом эфира во рту. Он до сих пор сохранился, этот привкус, – только смешался с другим препаратом. Ее куда-то несли... над ней что-то говорили. Потом сделали укол, и она провалилась в бездну. Чернота и ватная тишина отрезали ее от мира. Не сразу бездна наполнилась шепотом и блеском, ветром из сада с запахом лимона, вербены и тубероз... Ее окружили женщины в шляпах и золотистых сеточках на волосах... мужчины в

рыцарских доспехах и сутанах священников... толстошекие ангелы и рогатые чертенята... Она рванулась и побежала через анфиладу комнат. Между колонн сновали тени... Пол ушел из-под ног, и Глория упала... растянулась во весь рост на зеркальных плитках с синими узорами... Вверху – нарисованные на потолке луна, солнце и звезды...

А здесь, в белой комнате без окон, потолок был белым. Ни солнца, ни луны. Только круглая, нестерпимо горящая лампочка. От нее режет глаза. От нее текут слезы. Затылок онемел, низ живота ноет. Как она доберется до туалета?

– А-а-а! – закричала Глория. Собственный голос показался ей оглушительным. – А-а-а! Кто-нибудь! Помогите-е! Помогите...

Где-то невообразимо далеко жила повседневной жизнью Москва, шумели деревья на бульварах, звенели трамваи, по ночам зажигались огни дискотек и ресторанов. Там, на Шаболовке, в просторной трехкомнатной квартире жил ее муж Толик... Неужели он не ищет свою жену? У него достаточно денег, чтобы нанять детективов... или заплатить выкуп. Ее похитили ради выкупа, это ясно! Толик с кем-то не захотел делиться, и теперь она расплачивается за его скупость. Он всегда хвалился, что никому не уступает ни копейки... что умеет ловко вести переговоры и водить партнеров за нос. Что выгода сама плывет к нему в руки... Он слишком увлекся дурацкими играми в «купи-продай», возомнил себя самым хитрым, великим комбинатором! Забыл о совести, о любви... о смерти, наконец. Деньги, деньги и деньги! Вот идол, которому молится господин Зебрович. А ей кому молиться? Всевышнему? Вряд ли он отличит голос Глории среди хора голосов таких же незадачливых прожигателей жизни, как она... Вряд ли снизойдет к ее воплям отчаяния. Раньше надо было думать... Никто никому ничего не должен в этом мире наживы и плотских радостей. Повеселился – дай повеселиться другим!

– Я сама во всем виновата... – прошептала она сухими губами. – Сама виновата...

Не на кого сетовать, не на кого уповать. Она сознательно выбрала свой путь. Вышла бы замуж за сокурсника, работала бы участковым врачом, лечила больных – небось не оказалась бы здесь. Кого интересует докторша из районной поликлиники?

Злость на мужа захлестнула Глорию, закипела в груди огненным вулканом. Она тут страдает... а он сидит себе и в ус не дует! Наверное, подсчитывает убытки, которые принесет ему эта неудачная сделка. Наверное, не торопится платить... иначе бы ее перестали держать в подвале...

Простая и страшная мысль обожгла Глорию: ее отсюда не выпустят! Даже если Толик заплатит. Ведь она видела похитителей, слышала их голоса. Они не прячут лиц, называют друг друга по именам... Они ничего не опасаются. Потому что знают: живой ей не быть!

Горячие слезы брызнули из ее глаз. Жалость к себе, к бессмысленно загубленной молодости затопила Глорию. Последнее, что она увидит, – эти белые стены, потолок и лампочку... Хорошо, если ее убьют быстро и безболезненно. Если молодой улыбчивый водитель внедорожника не захочет напоследок позабавиться с пленницей. Если оба парня не окажутся маньяками, получающими кайф от мучений ближнего своего...

– Эй! – закричала Глория. – Эй! Выпустите меня!

Это был крик безнадежности и ужаса. На него откликнулось гулкое эхо пустого помещения. Лампочка вспыхнула ярче и погасла. Глорию окутал непроницаемый мрак.

– Эй, вы! – что было сил завопила она. – Здесь темно!

Приглушенные шорохи и возня напомнили ей о крысах. Не хватало, чтобы ее покусали крысы!

– А-а-а! А-а-а!

Она и не подозревала, что способна издавать такой истошный визг. Наверху послышались шаги. Кто-то спускался по лестнице...

– Че орешь? – спросил Игореха, открывая дверь. – О блин! Лампочка типа перегорела. Гога! Тут темень, хоть глаз коли! Возьми фонарь!

Опять топот ног по лестнице, гораздо более громкий.

Через минуту Гога и водитель направили на пленницу фонарь. Она зажмурилась.

– Порядок. Чего с ней сделается?

– Я в туалет хочу.

– Терпи, подруга! – захихикал Игореха. – Недолго осталось!

– Хватит барышню пугать, – вмешался толстый. – Слышишь, она по нужде просится.

– Ну и чего?

– Принеси ведро.

– Я к ней в сиделки, блин, не записывался! Черт бы побрал этого Гнома! Где он запропастился? – бубнил Игореха. – Сколько можно ждать?

– Иди, сказал!

Парень замысловато выругался, но перечить толстому не осмелился и отправился за ведром. Тем временем Гога взялся за веревки, которыми была связана Глория.

– Ты бежать-то не вздумай, – добродушно посмеивался толстяк. – Дом заперт. Всюду решетки. Во дворе собака. Доберман! Злющая! На чужих не лает, а сразу кидается и рвет в клочья. Со двора тебе не выйти – забор! Так что веди себя смирно, врачиха. Я-то женщин не бью... а вот за Игореху поручиться не могу. Очень он на тебя рассержен!

– За что же?

– Баба ты красивая, аппетитная... а он до баб шибко жадный. Природа у него такая! Ходит, облизывается... а тронуть не смеет. Так что ты его не провоцируй.

Глория испуганно молчала. Ноги и руки затекли, не слушались, на запястьях образовались ссадины. Толстяк помог ей слезть с железной кровати. Она с наслаждением потянулась. Игореха спустился с пластиковым ведром, раздраженно буркнул:

– Вот... другого не нашел...

* * *

Недостроенные коттеджи тянулись до заболоченной низины. За низиной чернел перелесок. Поломанный экскаватор, так и не докопавший дренажный канал, застыл на краю безымянного частного владения. Покрытые клейкой листвой осинки стояли в воде.

Светлый «Мицубиши» медленно проехал вдоль улицы, развернулся и покатил обратно. За высокими заборами глухо рычали сторожевые псы. Машина притормозила у дома с коричневой крышей из битумной черепицы. Два дымохода упирались в серое дождевое небо.

– Здесь, Санта! – сказал водителю пассажир и спрыгнул на землю.

Его рост едва достигал метра с хвостиком. Несоразмерно широкие плечи, развитая грудь и короткие ноги делали его похожим на тролля. Он был одет в брюки, заправленные в шнурованные ботинки на толстой подошве, темную куртку и шапочку, из-под которой выбивались кудрявые волосы.

Санта являлся полной противоположностью – громадный, кряжистый мужик, стриженный в скобку, с пышными бровями, с бородой, одетый в спортивный костюм. Его седина совершенно не вязалась с нестарым еще, румяным лицом. Он молча наблюдал, как пассажир подошел к забору и устался на кирпичную кладку.

– Это они, Санта, – сказал он, не поворачиваясь. – Я их чувствую.

Водитель покачал седой головой. Он предпочитал более надежный способ – забраться на дерево и заглянуть во двор. Но посреди белого дня это было бы наглостью. Подозрительный интерес к чужой собственности могли заметить соседи. Вернее, сторожа из соседних домов. На этой спускающейся с холма к низине улице располагались несколько больших участков с неоконченными строениями. Охранники сутками напролет спали или торчали в бытовках у телевизоров. Однако рисковать все же не стоило.

К дому с коричневой крышей от столба тянулся кабель – значит, свет там был. Тем лучше. «Троль» странной подпрыгивающей походкой приблизился к воротам и наклонился, рассматривая на грунтовке следы шин.

– Ты склонен доверять фактам, а не моей интуиции, Санта! – засмеялся он. – Вот они, милые. Протекторы внедорожника можешь узнать?

Хотя водитель и рта не раскрыл, «троль» как будто не нуждался в этом, читая его мысли.

– Здесь все на джипах ездят, хозяин, – степенно изрек Санта.

«Троль» радостно похлопал себя по ляжкам.

– Да ты, я вижу, настоящий следопыт! – Он явно подтрунивал над водителем, но тот не обижался. Привык к подобному обращению. – Что ж, твоя взяла. Лезь на дерево! Ты же это собирался сделать?

– Нельзя, хозяин. Увидят!

– Кому тут видеть-то? Охрана в обед непременно выпьет и дрыхнет так, что из пушки не разбудишь. Спорим?

Санта покраснел и крепче сцепил зубы. Неоправданный риск вызывал у него упрямый протест. Что бы там ни говорил хозяин, а береженого Бог бережет.

– Они днем собак спускают...

– Верно. Только собаки тоже не прочь поспать.

– Собаки не пьют! – заявил Санта. – Поехали, хозяин.

Словно в подтверждение его слов, за забором раздалось злобное рычание.

– Слышите? Ученая, стерва! Не сразу себя выдала... От такой не отобьешься.

– Ладно, – согласился «троль» и ловко взобрался на сиденье рядом с водителем. – Ты прав. Поехали! Вернемся сюда, как только стемнеет.

Санта с облегчением дал газу.

– Ты же в Бога не веруешь, – захихикал пассажир, когда они повернули на асфальтированную трассу. – Ты грешник, Санта!

– Осторожность не помешает... А Бог, если он есть, за всех должен заступаться.

– Должен! – еще сильнее развеселился «троль». – Скажешь тоже!..

У него поднялось настроение. Сегодня же вечером все решится...

* * *

Тем временем Зебрович вместе с Колбиным допытывали с пристрастием консьержку. Но та ничего не смогла добавить к уже сказанному. Предложенные деньги не улучшили ее память.

– Ох ты господи! Да знай я, что это важно... уж я бы его осмотрела с ног до головы! – разнервничалась пожилая дама. – А так – посыльный и посыльный... неряшливый только. Я вашей супруге позвонила... Она сказала: «Пусть идет!» Он и пошел... Я ни в чем не виновата!

Консьержка, видя подозрительный интерес к простому делу, начала оправдываться.

– Ничего больше не вспомнили? – упавшим голосом спросил Зебрович.

– Волосы у него были слипшиеся... немытые то есть. Я еще подумала, что на фирме, которая прислала этого парня, плохо следят за внешним видом сотрудников.

– А опознавательных знаков на нем не было? Надписи какой-нибудь на униформе?

– Он был одет как... уличная шпана! – выпалила консьержка. – Куртка, штаны замусоленные...

Колбин склонялся к выводу, что посыльный не являлся штатным курьером какой-либо фирмы. Скорее всего, он просто подвернулся под руку злоумышленникам, и те предложили ему за плату отнести письмо по указанному адресу.

– Даже отыщи мы его, парень ничего не знает, – сказал он Зебровичу, отведя того в сторону. – Это был случайный прохожий!

– Куда же делось письмо?

Заместитель пожимал плечами. Анатолий успел убедить его, что именно полученное через посыльного известие заставило Глорию спешно уехать. В конце концов, он лучше разбирается в характере и поступках своей жены.

– Наверное, она взяла письмо с собой...

– Или уничтожила!

Зебрович никак не мог успокоиться. Он вызвал Лаврова и приказал еще раз тщательно обыскать не только квартиру, но и мусорную корзину в парадном. Начальник охраны ничего похожего на письмо или его обрывки не обнаружил.

Колбин сделал попытку урезонить босса.

– Ты сходишь с ума, Анатолий, – сказал он. – Так мы только усугубим ситуацию.

– Усугубим?! Полагаешь, это возможно? Время идет! Я не могу заявить в милицию! Я боюсь этим повредить жене. Мне до сих пор никто не позвонил! Понимаешь? Никто не потребовал у меня денег, не выдвинул никаких условий! Глории нет! Ни в больницах... ни в моргах!

На последних словах он споткнулся и выговорил их с трудом. Повисла тяжелая напряженная пауза.

– Как ни неприятно тебе слышать, но я вынужден предположить...

– Что? Что?! Не тяни!

– Я вынужден предположить... – повторил Колбин. – ...еще один вариант. Похищение могло быть инсценировано твоей женой, которая... попросту сбежала.

Он сделал это! Высказал крамольную мысль, которая пришла ему на ум.

Зебрович не взорвался, как следовало ожидать, не набросился на заместителя с упреками, не осыпал его бранью. Он устало вздохнул и опустил голову.

– Послушай, Петя... Мы сотрудничаем не первый год, ты вхож в наш дом... Мы интеллигентные люди!

– Она взбалмошная! Никогда не знаешь, что зреет в мозгах таких женщин, как Глория. Они на все способны...

Глава 5

После ужина Игореха и толстый от нечего делать резались в карты. Потрепанная колода осталась от бригады отделочников, так же как и грязные спецовки, горы мусора и прочие атрибуты неоконченного строительства.

Для игры приспособили стол, заставленный пустыми бутылками и объедками. По углам будущей гостиной загородного дома висела паутина. Над столом горела лампочка. За окнами, занавешенными брезентом, стояла сырая безлунная ночь.

– Ты жульничаешь, – обвинял Гога напарника. – Так неинтересно.

– А ты честный, да? – обижался тот. – Честный, блин! Кто меня подбил на гнилое дело?

Он имел в виду похищение женщины, за которую приятелям обещали сказочное вознаграждение. Гога лениво огрызнулся.

– Гном – мужик авторитетный. Не боись... не обманет.

– Что же он молчит?

– Выжидает.

– Чего? Пока мы друг другу типа глотки порвем? Чтобы бабло не тратить?

– Заткнись.

Когда Гога затруднялся с ответом, он применял это универсальное слово. Игореха насупился и замолчал – не надолго.

– Надо было ей еще дозу вколоть! Зря ты не дал!

– Одной хватит... и так до утра проспит...

– Меня к ней больше не посылай, блин! Одичал я тут без баб. Могу типа не сдержаться.

Она ж все равно ничего не вспомнит! А, Гога?

Парень нервно покусывал губы, дергался. Вдруг он повернулся, вытянул шею в сторону окна.

– Слышь, псина рычит?

– Она целыми днями рычит, – отмахнулся Гога. – Пора бы привыкнуть.

– Чует кого-то!

– Ну да, чует! Кота облезлого, который мышей ловит. Или ворону. Она шибко ворон не любит!

– Надо бы сходить, типа проверить, – забеспокоился Игореха.

– Иди, – Гога развалился на старом диване и прикрыл глаза. – Иди, иди...

– А, черт с ней! Пускай рычит!

Игореха перемешал карты и начал сдавать, прислушиваясь к звукам во дворе. Все стихло.

– Слышь, а если этот Гном типа забыл про нас?

– Как это забыл?

– Он с тобой по телефону связывается?

– По Интернету.

Игореха недоверчиво покосился на приткнувшийся на краю стола ноутбук. Он ни разу не видел, чтобы толстяку приходили какие-либо сообщения.

– Ты меня за лоха держишь, блин?

– Ты лох и есть...

– Гляди, как бы твой Гном нас не того... – Парень провел ребром ладони по шее. – Тогда он и бабу заберет, и...

– Цыц! – сердито оборвал его Гога. – Фильтруй базар! – Какой базар? Базар! Чего он молчит, блин? – зачистил Игореха. – Что за хрень? Где бабло? Ее уже хватились, как пить дать! Менты или типа охранники ее муженька землю роют! Нам сваливать надо! Сваливать!

– Цыц! – повторил толстяк. – Я меры принял. У меня – свои правила.

Его слова не успокоили напарника. Скорее наоборот. – Знаю я, чем такие дела кончатся... Если он типа не заплатит, нам ее... телку эту, убить придется! А я на мокруху не подписывался!

– Заплатит. Мы врачу надежно спрятали. Он не найдет, пока не переведет денежки на мой счет. Вдвое больше, чем был уговор! Теперь я буду диктовать условия. – Угу! Так он типа и раскошелился! – скалил зубы Игореха. – Держи карман шире!

В глубине недостроенного дома гуляло эхо. Где-то трещали доски, что-то шуршало, постукивало.

– Здесь, видать, домовик поселился, – объяснил толстяк. – И балует! Раньше хозяев местечко облюбовал. – А ну тихо! – опять насторожился Игореха.

Он испуганно замолчал и бросил карты на стол. Послышался скрип. Парень потянулся за пистолетом.

– Ты входную дверь запер, когда бутылку из машины брал?

– Кажись, заперал...

– Пойду, блин, проверю, – прошептал Игореха, досылая патрон в патронник.

– Только не шуми понапрасну.

– Не учи ученого!

Игореха крадучись выскользнул в темный коридор. Гога проглотил остатки водки в стакане и сморщился. Гадость! Дешевка... В сельских магазинах водку лучше не брать. Паленая. Они с Игорехой все-таки нарушили запрет на спиртное и позволили себе расслабиться. Нервы беречь надо.

В коридоре напарник задел ногой пустую банку из-под краски, и та громыхнула. Парень ойкнул от неожиданности – эхо подхватило его испуганный возглас. Гога сдержал смешок. Трусоват Игореха, поджилки слабые... сам себя страшит.

Прошло несколько минут, а напарник не возвращался. На диване валялся его отключенный мобильный. Предосторожность, на которой настоял толстяк. Из холла раздался звук, как будто упал мешок с мусором. Игореха, похоже, опять обо что-то споткнулся – отходы были повсюду: обрезки гипсокартона, доски, обломки плитки, мотки проволоки. В темноте немудрено ногу подвернуть или растянуться.

Внутренние работы в коттедже были приостановлены по причине денежных затруднений у хозяев. Какие-то проблемы с кредитами. Правда, основные коммуникации успели подвести, оштукатурили стены, подшили потолки, вставили двери и окна. А главное – в доме соорудили глубокий подвал. Гоге повезло, что бывший кореш Игореха устроился здесь охранником. Они случайно встретились, решили возобновить дружбу. Ни одна живая душа не стала бы искать Гогу в этой глуши...

«Хозяева сюда часто наведываются?» – первым делом спросил он у Игорехи.

«Не-а. Они вообще типа в бега подались. Пока банк их трясет за кредит, не появятся!»

«Кто ж тебе платит?»

«Дали наперед за полгода... а там видно будет... У них тут стройматериалов на кругленькую сумму осталось. Без охраны растащат, блин!»

«Собака твоя?»

«Ихняя! Типа специальную школу проходила... еле приучил к себе. Злобная псина! Видит, что я ее кормлю, вот и признала за своего. А то я эту зверюгу из вольера не выпускал. Боялся!»

Игореха оказался на мели и охотно согласился подзаработать. Хлипкий из него получился поделник, ну да другого искать было некогда.

Стойкий запах цементной пыли, шпаклевки и краски сначала докучал Гоге.

«Ничего, принохаешься, – успокоил его Игореха. – Я уже почти не замечаю. Не выветривается, блин! Зимой все закрыто было, закупорено. Я в подвале жил, топил электрокамин... там стены типа не промерзают».

«Однако где его носит так долго? – подумал толстяк и с сожалением поднялся с продавленного дивана. – Пошли дурака Богу молиться...»

Второго пистолета у сообщников не было. Поэтому Гога вооружился куском арматуры и выглянул в коридор. Свет решил не зажигать: лампочки в гостиной хватало, чтобы видеть на несколько метров вперед. Пусто... вон и банка перевернутая валяется. А Игореха, видать, во двор вышел.

Коридор вел в большой полукруглый холл, где хранились куски жести и ящики с отделочным камнем. Толстяк, отчего-то стараясь ступать на цыпочках, подкрался к арке, которая заменяла дверной проем, и замер, прислушиваясь. Безмолвный мрак окутал его... Глаза постепенно привыкали, и в этом мраке начали проступать очертания предметов: штабеля ящиков, кушетка, куча битого кирпича... Черт ногу сломит!

Гога выругался про себя, достал карманный фонарик. Не хватало еще грохнуть и набить шишку. Тонкий белый луч лег на пол. Толстяк оторопело попятился...

Игореха лежал на грязном полу, навзничь, раскинув руки и неловко подогнув одну ногу. Пистолет выпал и валялся рядом. Гога стоял, затаив дыхание. В тишине было слышно, как шумят во дворе березы... Ничего не происходило. Он сделал пару осторожных шагов, опустился на корточки и дотронулся до запястья приятеля. Пульс слабый, но бьется... Наверное, падая, Игореха ударился головой о ящики. Недотепа! Что теперь с ним делать?

Этот невысказанный вопрос был последней мыслью, после которой на затылок толстяка что-то обрушилось, и его сознание померкло...

Португальская торговая колония Софала в Южной Африке. XVI век

Монах-доминиканец не удивился, когда его посреди ночи позвали к умирающему. Африканский климат для европейца тяжелое испытание. Людей косит ненасытная лихорадка, да и здешняя пища оставляет желать лучшего.

Монах молча отправился за провожатым к жилому зданию внутри форта. Привозного камня не хватало, и все постройки, кроме самой крепости и торговой фактории, сооружались из дерева.

– Он хочет исповедаться, – сообщил монаху провожатый. – Говорит, что не дотянет до утра. Ты готов выслушать его?

– Это мой долг.

– Если боишься заразиться, не подходи близко.

– Негоже слуге Господа трепетать от чего бы то ни было. На все Его воля...

Монах толкнул дверь и оказался в маленькой комнатке, освещенной огнем свечи. Умирающий лежал на спине, дыхание с хрипом вырывалось из его легких. Он был в беспомощности.

– Видишь, господину совсем худо...

– Оставь нас, сын мой, – обернулся монах к провожатому.

Тот послушно скрылся за дверью, но уходить не торопился. Так и застыл, приложив ухо к щели между досками. Было слышно, как бегают по стенам ящерицы.

Монах принялся читать молитвы... слова сливались в заунывное бормотание. Наконец он подошел к ложу умирающего и наклонился над ним. Тот пришел в себя, его веки приподнялись, дыхание выровнялось...

– Хвала Всевышнему... я не умру без покаяния...

– Нет, сын мой! Господь милостив... он даст тебе сил для исповеди...

Речь умирающего была бессвязной и часто прерывалась. Монах с трудом улавливал смысл. Оказывается, больной совершил тяжкий грех, убив своего соотечественника. Удивляться этому не приходилось. Нравы в колонии царили жестокие.

– Ты убил его в драке? – спросил доминиканец.

– Нет... я перерезал ему горло, когда он спал... из-за... золота... а ведь он... считал меня другом...

– У него было много золота?

– Нет... всего одна бляшка... такая... круглая штуковина...

Провожатый за дверью весь превратился в слух.

– Из-за одной бляшки ты лишил жизни человека?

Монаху подобало выслушать покаяние с бесстрашием и смирением, однако он слишком увлекся. Он ведь тоже был одним из авантюристов, прибывших в Софалу не по велению сердца, а влекомых алчностью. Даже сутана не уберегла его от соблазна быстрого обогащения. Ведь сам Васко да Гама считал Софальскую гавань легендарной страной Офир, откуда царь Соломон черпал свои баснословные богатства. Великий мореплаватель знал, что говорил, называя эти берега владениями царицы Савской. Где-то здесь, в глубине лесов за фортом, прячутся неиссякаемые золотоносные рудники...

– Его покарала десница Господня... – вырвалось у больного. – Он сам... убил одного араба... из-за той же бляшки. Араб хвастался... что знает тайну... царицы Савской... и показывал бляшку... Хотел, чтобы мы... помогли ему отыскать... рудник...

– Значит, твой друг убил того араба... и отобрал у него бляшку?

– Да... а потом я... поступил так же с ним... Жадность затмила... мой разум...

– Ты сожалешь о содеянном?

– Со... сожалею...

– Господь простит тебя!

Лицо умирающего просветлело – грех его будет отпущен и он избежит адских мучений.

– Где же сей злополучный предмет, из-за которого ты чуть не погубил свою душу? – спросил монах.

Но ему не суждено было получить ответа. Лежащий перед ним человек потерял сознание и вскоре скончался. Доминиканец до последней минуты находился рядом, читая молитвы во имя спасения несчастного. Когда же тот вытянулся и затих, монах воровато оглянулся на дверь и, отбросив всякий стыд и страх заразиться опасной болезнью, ощупал покойника и обшарил его постель. Бляшку больной держал под подушкой, боясь таких же нечистых на руку людишек, как сам. Вещица была зашита в кожаный футляр вместе с портретом молодой дамы, выполненным на миниатюрном овале, покрытом лаком.

– Две красотки не могут претендовать на сердце одного мужчины! – ухмыльнулся монах, любуясь драгоценной добычей. – Я облегчу вашу участь!

Золотую бляшку он спрятал под сутаной, а портрет положил у изголовья покойника.

– Мародерствуешь?! – С этим позорным обвинением на устах в комнату ворвался человек, который подслушивал под дверью.

Доминиканец, ни слова не говоря, метнулся прочь. Но приятель усопшего не собирался его отпускать. Они сцепились. Монах яростно сопротивлялся, однако почувствовал, что его противник сильнее, и решил пойти на хитрость.

– Обыщи меня и убедись, что я ничего не взял, – прохрипел он. – Я не стану чинить отпор!

Противник ослабил хватку, и доминиканец поднял руки, позволяя тому ощупывать себя, как недавно он сам ощупывал умершего.

– Надоело корчить из себя святошу... – процедил он. – Может, возьмешь меня матросом на свой корабль? Я хорошо заплачу.

– Так ты не монах?

Мгновение замешательства стоило растяпе жизни. Молниеносным движением «монах» достал из рукава нож и вонзил в шею своего противника.

– Вот так-то... – бросил он, вытирая лезвие о платье поверженного врага. – Любопытство до добра не доводит! Ты нарушил тайну исповеди, негодник... и Господь покарал тебя.

Перешагнув через осевшее на пол тело, он задул свечу и удалился.

Над фортом стояла большая, похожая на медное блюдо луна. «Монах», поживаясь от ночной свежести, прокрался к себе в каморку. За крепостными стенами выли гиены в ожидании падали...

«Монах» размышлял о библейском золоте, которое никак не давалось в руки искателям сокровищ. Может быть, ему повезет больше, чем остальным? Ведь отплывали же куда-то корабли израильского царя Соломона и возвращались с грузом золота на борту. Каждые три года! При дворе Соломона «все сосуды для питья были золотые, и все сосуды в доме из ливанского дерева были чистого золота...» Откуда такая роскошь?

– «И послал Хирам на корабле своих подданных корабельщиков, знающих море, с подданными Соломоновыми. И отправились они в Офир, и взяли оттуда золота четыреста двадцать талантов, и привезли царю Соломону», – процитировал он. – Третья книга Царств, глава девятая. Только почему-то больше об Офире ничего не сказано...

Может, прав Васко да Гама? Здесь, в Софале, исстари торговали золотом. Здесь арабы и персы покупали его для своих дворцов и гаремов...

«Монах» дотронулся до спрятанной под сутаной золотой бляшки и сладко вздохнул...

Глава 6

Наше время

Глория пришла в себя в маленькой уютной комнате, с ночником и газелями на стене. Безвкусный старомодный ковер... Мало-помалу у нее в глазах прояснялось, и кроме газелей она заметила на стене кавалькаду нарядно одетых всадниц на фоне зеленой рощи, сопровождаемых сворой борзых. И не ковер это вовсе, а гобелен...

– «Русалочья охота!» – произнес приятный мужской голос.

Глория повернула голову. Перед ней сидел уродец в красивой бархатной одежде. Благородное лицо, обрамленное темными локонами, составляло вопиющий контраст его несурзному туловищу. Вероятно, это горбун...

У нее опять случился бред... от снотворного, которое ей кололи. Галлюциногенный эффект.

Уродец раздвинул красные губы и саркастически хохотнул.

– Я так и думал!

– Кто вы... такой?

Язык Глории плохо двигался, она не чувствовала ни своего тела, ни желания говорить. Но и лежать бревном ей тоже надоело.

– Я – твой сон! – подтвердил горбун ее догадку. – Надеюсь, не кошмарный!

– Не хочу просыпаться...

Он понимающе кивал головой, вглядываясь в ее черты.

– Ты хороша собой. Лучше, чем я ожидал.

По его тону нельзя было судить, доволен он этим или нет. – А вы... не очень... – вырвалось у Глории.

– Что подделаешь! Таким уж я родился! – без тени смущения заявил горбун.

Сон стирал все условности, что невероятно облегчало общение.

– У вас... лицо принца... а тело...

– Чудовища! – радостно подхватил он. – Ты права, детка! Так и есть.

– Где я? – на всякий случай спросила Глория.

– В пещере тролля!

– Скорее в замке. А вы – царь троллей...

Ее захватила эта призрачная игра.

– Хочешь быть царицей?

– Нет...

– Это зря.

– Когда я проснусь, ваше царство исчезнет... вместе с вами...

– Да? – вскинул он брови. – Думаю, ты ошибаешься... кое в чем. Хотя... в твоих словах есть смысл. Пожалуй, ты мне подходишь.

Глория ощущала себя маленькой девочкой, беззаботной и безмятежной. Впрочем, за этой навешенной лекарствами безмятежностью крылся ужас. Она скользила по поверхности сознания, понимая, что там, в глубине, живет ее страх...

– Мне с детства снятся странные сны, – призналась она. – Много комнат, населенных необычными существами... Они ходят, беседуют между собой. Но мне никогда не удавалось поговорить с ними. Как будто бы мы – по разные стороны...

– По разные стороны *чего?* – осведомился тролль.

– Не знаю...

– А как они выглядят, существа из твоих снов?

– Одни одеты по-королевски, другие – совершенно голые...

Она охотно описала причудливых персонажей. Горбун слушал внимательно, не перебивая.

– Кажется, я догадываюсь, кто они, – заявил он.

Глория ему не поверила. Они обсуждают сон во сне... так не бывает.

– Тогда скажите, – все-таки попросила она.

– В этом нет необходимости.

– Но мне хочется...

– Ох, эта дурная привычка забегать вперед!

Давая понять, что разговор окончен, тролль слез с маленького изящного кресла, обитого цветной тканью, и повернулся к ней спиной. У него не оказалось горба! Такое впечатление складывалось из-за непропорционально широких плеч и сильно развитых мышц спины, вздувающихся буграми. Руки его, с такими же накачанными бицепсами, висели до колен. Короткие кривые ноги, казалось, с трудом носили массивное туловище. Сзади он действительно выглядел чудовищем...

– Принести тебе завтрак? – не глядя на Глорию, предложил он. – Что-нибудь легкое. Булочку с джемом, кофе... Женщины пьют кофе в постели?

Она онемела, не в силах перебороть отвращение. Шут, безобразный карлик! Даже без горба он омерзителен.

«Как тебе не стыдно? – укорила она себя. – Физические изъяны не вина, а беда. Тяжкая ноша, которую несешь не ты! Уже за это одно надо благодарить судьбу! Я должна пожалеть этого уродца...»

– Нет необходимости, – с неожиданной пронизательностью вымолвил карлик.

Глория залилась краской. Во сне люди умеют читать мысли друг друга? Но почему-то она понятия не имеет, о чем думает тролль.

– Как тебя зовут? – спросил он.

Значит, и для него не все открыто.

– Глория... а вас?

Он намеренно не поворачивался к ней лицом. Демонстрировал худший ракурс своей фигуры.

– Агафон.

Она удивилась. Захотела сгладить невольно возникшую между ними неприязнь.

– У троллей другие имена...

– Как насчет завтрака?

Он не принял ее подачи к примирению. Остался невозмутимо холодным. Если она откажется от еды, будет совсем невежливо.

– Может быть, потом...

Уродец молча толкнул дверь и вышел.

* * *

Гога очнулся с ощущением боли в затылке и со стоном пошевелился.

– Лежи тихо, – предупредил его напарник. – Я тебе на шею типа компресс приладил.

– Я ничего не вижу...

– Ага!

Толстяк с трудом сообразил, что лежит на животе, уткнувшись лицом в подушку. Шею сковало, тело отяжелело, обмякло.

– Я думал, мы в аду! – ухмыльнулся Игореха. – А мы все еще топчем землю, блин! Почему он нас не замочил? Мог типа из нашего же ствола обоих положить!

– Кто?

Гога ничего не помнил – ни как играли в карты, ни как сообщник пошел проверить, заперта ли входная дверь... ни как сам отправился следом, получил удар и упал носом в кирпичную пыль...

– Кто-кто? Фраер в кожаном пальто! Гном твой! Говорил я, что он нас того... и заберет бабу! Типа лоханулись мы, Гога!

Толстяк окончательно пришел в чувство, кряхтя, повернулся на бок и разлепил веки. Мокрое полотенце, которое лежало у него на шее, сползло.

– Эй-эй... ты куда, блин? – всполошился Игореха. – Гляди, не свались с кушетки! Я тебя второй раз типа не подниму! Отожрался, блин!

Он то и дело потирал затылок – ему тоже досталось, но поменьше, чем Гоге. Первым придя в себя, он умылся колодезной водой и, убедившись, что толстяк жив, начал поливать его из жестяной кружки. Тот лежал как колода – грузный, неподвижный. Пришлось его тащить, взваливать на грязную кушетку, забытую в холле строителями. Он провозился с Гогой и не заметил, как рассвело.

– Тошнит...

– Это хреново. Типа сотрясение мозга у тебя, видать. Вставать нельзя.

– Где... врачиха?

– Где? В Караганде! Улетела пташка! – Игореха зло сплюнул и подал толстому полотенце. – На, утрись, блин! Рожа в кровище...

Падая, Гога ушибся носом об пол и залился кровью.

– Как... улетела? Ты в подвал ходил?

Он вытирался, высмаркивал кровавые сгустки, отплеывался. В голове стоял гул, перед глазами все плыло, как на карусели.

– Да ходил, ходил! Как смекнул что к чему, блин... так и побежал! Только клетка-то пустая типа оказалась...

– Пустая?

До Гоги плохо доходил смысл сказанного. Напарник не выдержал, схватил кружку, в которую макал полотенце, и плеснул в толстого водой.

– Ты че... офонарел?

– Телки нет! – гаркнул Игореха. – Понял? Пока мы тут валялись... он взял типа ключи, открыл подвал и... фьють!

– Он не мог знать...

– Мог... не мог! Бабу он у нас умыкнул... и теперь может стукануть в ментовку! Чтобы нас типа закрыли! Усек? Говорил же, блин, сваливать надо! У меня чуйка!

Гога провел огромной ручищей по подбородку, размазывая воду и кровь. Пальцы дрожали.

– Помоги мне...

– Чего?

– Ноутбук притащи!

– О, вижу ты, блин, оклемался, – осклабился Игореха. – Сей момент!

В холле было холодно и неудобно. Через немые окна пробивалось серое утро. Жесткая кушетка давила бока. Но дойти самостоятельно до дивана показалось толстяку непосильной задачей.

– Кто же нас вырубил? – пробормотал он, отбрасывая испачканное полотенце. – Неужели Гном? Как он пронюхал?..

Приятель метнулся в «гостиную» и вернулся с компьютером.

– Зачем он тебе сдался, блин? Типа новости послушать? Не показывают ли по ящику наш фоторобот?

– Типун тебе на язык, – мрачно огрызнулся Гога. – Погляжу, нет ли вестей для меня...

– От Гнома, что ли? Ты ему теперь типа не нужен! Телка у него... денежки тоже. А мы с тобой в пролете, блин! Одного не пойму, почему он ствол не забрал? Это подстава! Ей-богу, подстава!

– Цыц! Надеюсь, батареи не сели...

С этими словами толстый включил ноутбук. Классная штука – беспроводной Интернет! Техника идет вперед семимильными шагами. Пальцы плохо слушались, и Гога, сопя разбитым носом, медленно тыкал по клавишам. Игореха примостился рядом, с сомнением уставившись на экран.

– О-о! Вот и Гном объявился... Ну-ка, что он нам прислал? «Половина суммы уже на твоём счете, – вслух прочитал Гога. – Вторую половину получишь в обмен на товар. Поторопись. Мое терпение на исходе!»

– Что это? – заволновался Игореха. – Какой еще обмен, блин? Какой обмен?! Он совсем сбрендил? Может, он того... чокнутый? А, Гога? Богатые все типа с приветом!

Толстяк убрал руки с клавиатуры и обескураженно крикнул. Он до сих пор не удосужился расспросить напарника, как все произошло. Видел ли тот, кто на него напал?

– Ты кого-нибудь видел? – запоздало осведомился Гога. – Ну, кто тебе по башке дал?

– Ни черта, блин... только сунулся в холл... и сразу – бац! И я в отключке! Нет, ты понял? Он на какой обмен намекает? Типа мы ему еще чего-то должны?

Толстяк молчал. В его мозгу, пострадавшем от удара, все застопорилось.

– Ты как хочешь, а я сваливаю! – лихорадочно твердил Игореха. – Беру машину и... С кем ты связался, блин? С маньяком! Он нас типа не замочил... помучить решил! Чтобы мы страху натерпелись! Типа от собственной тени шарахались! Как он нас вычислил, блин?!

– Заткнись ты... У меня череп болит, сил нет.

– А у меня не болит? Вон какой шишак, блин, под волосами! Только подыхать я типа не собираюсь! Вроде рановато еще... Шишак – ерунда! Говорил я тебе, блин, – гнилое дело!

Гога сидел, выпучив глаза и пытаясь соединить одно с другим – исчезновение врачихи с посланием от заказчика. Его нос распух, ссадины на скулах воспалились. Он был страшен в своей свирепой растерянности. Ноутбук ходуном ходил в его руках. Запустить бы в Игореху, чтобы закрыл наконец поганый рот!

Парень интуитивно уловил исходящую от толстяка угрозу и присмирел. Гога тормоз, но если его довести...

– Слу-ушай, а вдруг это ее муженек, блин? – осенило парня. – Если он типа раньше Гнома нас вычислил? Тогда ясно... ему-то мокруха ни к чему!

– Почему же он нас ментам не сдал?

Это возражение озадачило Игореху. Толстый хоть и получил по мозгам, но – силен. Котелок у него варит.

– Значит, он с ментами типа не в терлах!

– Тогда нас его опричники отметелили бы от души... чтобы неповадно было... Откупного бы потребовали! Фейс бы не так разукрасили! И ствол прихватили...

– Ну да, уж раскрутили бы, блин, по полной, – согласился Игореха. – Выходит, все-таки Гном?

У Гоги сильно кружилась голова, и содержимое желудка просилось наружу.

– Ведро дай, – сдавленно выдохнул он. – Быстро.

Напарник кинулся за жестяным ведром, в котором отделочники носили цемент, подставил толстому. Эк его колбасит! Точно сотрясение.

– Слышь, тебе к доктору надо...

Гогу выворачивало наизнанку, он стонал и корчился. Его глаза, казалось, вот-вот выскочат из орбит.

– К черту...

– Этот Гном и есть типа черт! Дьявол! Что за хрень он пишет, блин? – не унимался Игореха. – Типа баба еще у нас... А?! Он типа кот, а мы – мыши!

Толстый отдышался, прополоскал рот водой и умылся над ведром.

– Унести?

– Пусть побудет пока... может, еще стошнит... Накрой чем-нибудь. Вонючка...

Гога никак не мог привести мысли в порядок, сосредоточиться и решить, что делать. Здесь оставаться нельзя, кореш прав. А куда податься? Обрато в Москву и залечь на дно? Или, наоборот, затеряться в глубинке... снять номер в придорожном мотеле... выждать...

Он сел, привалившись спиной к начерно оштукатуренной стене, опустил веки. Как же кружится голова! К затылку будто гирия привязана, и сотни раскаленных игл вонзаются в мозг.

– Ммм...

– Что, болит? – без сочувствия спросил Игореха.

Разбитый недомоганием толстяк становился обузой. И бросить не бросишь... и с собой тащить накладно.

– Надо бы счет проверить... – пробормотал тот. – Ну, переведены деньги или нет?

– Да понты гонит твой Гном! Типа мы совсем того... лохи конченые...

Игореха покрутил пальцем у виска, с раздражением глядя на толстого. Ему лапшу вешают, а он ведется. Время тянет.

– Надо проверить!

Гога примостил на коленях ноутбук и защелкал по клавишам. Результат вызвал у него недоуменное хмыканье.

– Не понял...

– Чего там? Чего?

– Вот... он правда перевел баксы! Черт... в глазах двоится... Глянь-ка!

– Я не секу в этом, блин... – рассердился парень. – Ты типа говори толком!

– Денежки на счет прибежали...

Толстяк обескураженно уставился на экран. Игореха засуетился, заерзал на краю кушетки.

– Как прибежали? Он типа заплатил за телку?

– Половину...

Игореха зажмурился и похлопал себя по лбу, потом ущипнул за щеку.

– Может, он псих, блин? Или у нас типа крышу снесло?

– Не снесло, – мрачно отозвался Гога. – По ходу, попали мы с тобой в оборот, братан...

– Слу-ушай! А ты его хоть видел? Гнома этого?

– Нет. Он со мной в Сети связался... работу предложил. Я объявление давал: «Оказываю опасные услуги...» Он откликнулся. Пообщались. Мужик серьезный оказался, аванс подкинул. Потом... В общем, ты знаешь, что потом...

– Влипли, блин, по самые помидоры! – взвился Игореха. – И че теперь? А? Он нас урлет! По-любому! Все! Кранты! Прощай, мама...

– Не паникуй! Деньги-то у нас... хоть и половина, а сумма приличная.

– Думаешь, он нам типа подарит?

– Уедем подальше, пока все устаканится.

Игореха вскочил и начал мотать круги по холлу, огибая ящики и кучи мусора.

– Баба где, блин? – восклицал он, размахивая руками. – Нас же ищут! Ты типа не понимаешь?! Самый хитрый, да? А телку проворонил, блин!

– Ну, ты тоже лоханулся... Где твоя зверюга, кстати? Которая всех рвет?

Игореха после ночного переполоха совершенно забыл о собаке. Слова толстого заставили его подпрыгнуть и выскочить во двор. Псина, мирно посапывая, дрыхла в вольере. Парень онемел от этой идиллической картины. Получается, доберман даже носом не повел, когда во двор пробрались чужие.

– Дьявол... – прошептал парень и суеверно сплюнул.

Дверца вольера была открыта. Ворота заперты изнутри. Игореха, чертыхаясь, обошел забор по периметру и обнаружил место, где незванные визитеры перелезли через ограждение. Судя по следам, оставшимся на куче песка, их было двое, – один великан, второй совсем малыш. Чуть ли не карлик. Или же верзилу сопровождала женщина в ботинках на рифленой подошве. С той стороны ее подсадили... а здесь, где у забора насыпаны песок и отсев, перелезть смог бы кто угодно...

Игореха неосторожно потер затылок, задел шишку и взвыл от боли. Доберман проснулся, настороженно повел ушами.

– Где ты ночью был? – выругался на собаку парень. – Сиди теперь, лапу соси, блин! Сторож хренов!

Он открыл гараж и вывел машину, посмотрел на датчик бензина. Бак почти полный, хватит надолго. Пес в вольере встревожился, заскулил.

– Извини, брат, тебя типа придется оставить, – повернулся к нему Игореха. – Сам виноват! Прошляпил воров, блин! Че с тобой приключилось вдруг? Типа оглох или нюх потерял?

На добермана давно имел виды охранник из такого же недостроенного дома на другой стороне улицы – заядлый собачник. Если выпустить пса за забор, его тут же подберут – без присмотра не бросят.

Мысли о собаке крутились в голове Игорехи вкупе с мыслями о собственной безопасности. Доступ к деньгам, которые загадочным образом пришли на банковский счет, был только у Гоги – поэтому деваться некуда: надо таскать его за собой. Заехать по дороге в аптеку, купить таблеток. Толстому сразу полегчает. В больницу его везти нельзя...

– Какой резон Гному платить, блин, если баба у него? – пробормотал парень. – Нетушки! Врачику наверняка муж отыскал... типа больше некому...

Идея заполучить вторую половину денег, обещанных заказчиком в обмен на женщину, занозой засела в голове Игорехи. Зря, что ли, они с Гогой рисковали? Их запросто мочкануть могли...

– Бегай теперь от всех, блин! – выругался он. – И от ментов типа... и от Гнома! Так, блин, не пойдет...

Когда обремененный заботами парень вернулся в «гостиную» собирать вещи, его взгляд упал на женскую сумочку.

– О блин! Гога! – побежал он в холл, где, лежа на кушетке, тяжело дышал толстяк. – Совсем типа из башки вылетело. Ее сумка! Тут разные бабские цацки, блин, документы... и типа письмо какое-то...

– Документы давай сюда, поглядим. Остальное в костер!

Глава 7

Роман Лавров был с шефом на ножах. Тот и не увольнял его, и в то же время постоянно выражал недовольство действиями начальника охраны. Как ни странно, со стороны Лаврова наблюдалось нечто похожее. Зебрович его раздражал, выводил из себя, но высказать шефу свое «фэ» и хлопнуть дверью Роман не спешил. Он старался как мог – Зебрович ему платил. В чем нельзя было упрекнуть хозяина, так это в скупости. Искать нового работодателя хлопотно... Да и где гарантия, что новый босс будет приятнее старого?

Жизнь, как понял Лавров, вообще не дает никаких гарантий – никому и ни в чем. Единственное, что не подлежит сомнению, – неизбежный конец земного существования. Поэтому стоит наслаждаться преходящими мгновениями и не сушить мозги понапрасну.

Зебрович и его жена вызывали у Романа чувство недоуменной зависти. По природе он был независтлив, поэтому не мог дать объяснения сему странному обстоятельству. Предложи ему кто-нибудь занять место Зебровича, Роман бы не согласился. Бизнес требовал от человека определенного склада ума, коммерческой жилки, которыми обладал далеко не каждый. У Романа этих качеств точно не было.

Глория Зебрович, жена босса, являла собой самый неприемлемый образец «светской дамы». Она относилась к тому типу женщин, которые не знают, чего хотят, и которым невозможно угодить. Им всегда и всего будет мало, хоть из кожи вон лезь. Они не могут просто жить в изобилии, пользоваться предоставленными мужем благами... заботиться о доме, растить детей. Такие баловни судьбы, словно старуха из «Сказки о рыбаке и рыбке», требуют провидения все новых и новых даров, пока не окажутся у разбитого корыта. Красивая, тонкая, умная Глория томилась бездельем и ленью, изнывала от скуки... вот и накликала на свою голову нежданную-негаданную беду.

Не то чтобы Лавров злорадствовал – его одолевала досада и... жалость, за которую он злился на себя. Чем сильнее он сочувствовал жене босса, тем больше злился. Какого черта он переживает из-за капризной, избалованной бабенки? Ну стала она жертвой похитителей... Эка невидаль! Зебровичу пора попридержать коней – зарвался мужик, забыл, в какой стране живет, с какими людьми дело имеет. Штат охранников сократил, на спецтехнику денег выделяет в обрез, установленные меры безопасности не соблюдает... сотрудников распустил, жену тоже. Покатила на своей машине невесть куда... никого не предупредила, никому не сообщила, куда направляется. А ее муженек теперь рвет и мечет, на нем, Лаврове, бешенство вымещает! Его, конечно, понять можно...

«Хватит, – урезонивал себя Роман. – Какая бы она ни была, эта Глория, ей сейчас несладко. Вряд ли ее оставят в живых, заплатит Зебрович выкуп или нет. Дело известное: свидетели преступникам не нужны!»

Последнее обстоятельство обостряло внутреннюю борьбу Лаврова с самим собой. С одной стороны, он считал, что Зебровичи заслужили постигшее их наказание. Чем? Да всем! Своей безоглядностью, безрассудством... быстрым богатством, нахальной самоуверенностью, наконец! Возомнили, что деньги – панацея от любой напасти. Как тут не обломать распоясавшихся выскочек? Кто-то не смог отказать себе в удовольствии...

С другой стороны, он, начальник охраны, обязан был предусмотреть и предотвратить подобное развитие событий. За то он и получает от Зебровича немалую по московским меркам зарплату. Значит, тот имеет право требовать от Лаврова продуктивных действий. Человек бесследно не растворяется во времени и пространстве. Но на след Глории пока выйти не удалось.

– Почему похитители не объявляются? – спрашивал у него Зебрович. – Ты ищешь мою жену? Пока вы тут баклуши бьете, ее убьют! Тогда я с вас шкуру спущу! С тебя первого!

Это были жесты отчаяния, которые никто не принимал за реальные угрозы.

Если бы Лавров был Богом или пророком, он бы ответил, где Глория и что с ней. А так... стоял, глядя мимо беснующегося шефа, и молча кивал головой. Его перестали обижать оскорбления и упреки. Он перестал оправдываться. Докладывал обстановку, выслушивал указания, потом шел инструктировать подчиненных. В свою очередь устраивал им разнос...

На самом доньшке сознания теплилась мысль: может, он, Лавров, сам поддался чарам хозяйки? Потому и зол на себя, на нее, на босса? Может, он тайно влюблен в Глорию? Потому и обвиняет ее во всех грехах? Чтобы не так больно было терять? Не так страдать от собственной беспомощности?

Даже под пытками Лавров не высказал бы эти мысли в слух. Даже себе не признался бы в этих смутных догадках... мимолетных, как проблески молний в толще грозových туч. Такие женщины, как Глория, для него – табу. С ними не обрести счастья, не построить долгого надежного благополучия. Они – словно фейерверки – с треском рассыпают ложные звезды в небесах. Пиф! Паф! Крики восторга! А потом наступают чернота и тишина... в лучшем случае. В худшем – можно заработать ожог от неудачного залпа...

Лавров предпочитал покладистых, приземленных подруг, которые были понятны и дарили ему тепло и ласку. Он не раз собирался жениться на одной из них, но что-то ему мешало. Возможно, он еще не созрел для семейной жизни. Возможно, его останавливала работа, сопряженная с некоторым риском. В его деле руки не должны быть связаны ничем. Уж если рисковать, то собой.

В случае с похищением Глории все выглядело на первый взгляд обыденно. Если бы не подозрительное обстоятельство – поведение самого Зебровича. Начальник охраны подметил нервозность шефа задолго до исчезновения его жены. Вроде бы Анатолий Валентинович ни в каком криминале замешан не был, бизнес вел легально, партнеров не обманывал... в долг не брал, да и нужды в том не было. Банковские кредиты выплачивал аккуратно. Компания разрасталась, приносила прибыль... Зебровичи жили хоть и не душа в душу, но мирно, их супружескую верность никто не ставил под сомнение. Ни сам коммерсант, ни его жена не были замечены в порочащих связях. Явных врагов они себе не нажили, угроз ни от кого не получали. Лавров бы знал. Исчезновение Глории, казалось, не имело видимой подоплеки. Но эта подоплека существовала...

Кому понадобилось похищать супругу Зебровича? И с какой целью?

Сначала Лавров решил, что дама пустилась в загул... такое с праздными обеспеченными женщинами случалось. Но вскоре это предположение пришлось отбросить. Найденная неподалеку от МКАД пустая «Тойота» Глории заставила его изменить направление поисков. Прошли сутки, вторые... Ни одна из принятых мер не дала результата.

Мотив наживы, ввиду того что никто не потребовал выкупа, Лавров скрепя сердце отбросил. Оставалось еще множество неутешительных версий. Женщина могла попасть в руки маньяка... ее могли изнасиловать и убить... или ограбить, а потом убить. Она могла сама бежать по неизвестным пока причинам, что напрочь отвергал ее муж...

– Разве что ее выкрали из мести... – рассуждал начальник охраны. – Тогда ясно, почему не требуют денег. Тут другого хотят. Досадить Зебровичу! Довести его до белого каления! Выбить из седла.

– Чудес не бывает, – согласился с ним Колбин. – Проработай все варианты. Кому так крепко насолил Анатолий?

– Да вроде никому...

– Чудес не бывает, Рома, – повторил Колбин. – Ищи! Думай!

– У вас есть какие-нибудь соображения?

– Честно говоря, нет. Ума не приложу, кто завязал этот узел...

– Мог у Глории Артуровны быть любовник, например?

– Теоретически да... Однако они настоящие конспираторы, если настолько мастерски вуалировали свои отношения. Я ничего не замечал. А ты?

– Тоже...

Они сидели в помещении охраны, пили кофе, чтобы взбодриться. Колбин долго молчал, слушая, как стучит по стеклам дождь. Спать удавалось урывками, по очереди. Лавров даже домой не ездил, засыпал прямо в машине или в офисе, на диване. Пара часов, и опять на ногах. Чем больше времени проходило с момента исчезновения Глории, тем меньше оставалось шансов найти ее живой.

Колбин перевел на собеседника тяжелый взгляд.

– По-твоему, она сбежала с любовником?

– Я бы этого не исключал...

– Может, у нее завелся какой-нибудь тайный воздыхатель?

Лаврову стало не по себе от тона, каким была произнесена эта фраза. Неужели Колбин догадывается? Чушь...

– Глория Артуровна красивая женщина...

Называя ее по отчеству, он соблюдал дистанцию между женой босса и подчиненным. Субординация спасала от многих соблазнов.

– Красивая, – кивнул Колбин. – В том-то и беда! Все красивые бабы... с вывихом!

Начальник охраны пожал плечами. От него и не ждали комментариев.

– Ладно... утро вечера мудренее. Поеду-ка я домой...

Лавров проводил Колбина и вылил себе в чашку остатки кофе с гущей. Погадать, что ли? Остальные методы уже испробованы. Он задумался, подперев подбородок кулаками. Морду кому-нибудь набить от безысходности? Так это не поможет...

Он задумался. Самые отъявленные враги человека обычно находятся в его ближайшем окружении, среди закадычных друзей, верных партнеров и любящих родственников. Лавров исподволь присматривался ко всем, кто попадал в поле зрения... в том числе и к Колбину. Уж больно тот ополчился на Глорию. От неприязни до любви – один шаг! А где страсть, там жди любых безумств...

Колбин вел холостяцкую жизнь, о женитьбе не помышлял. Поговаривали, что ему нравятся совсем молодые девахи. Но удостовериться в правдивости слухов Лаврову случая не представилось...

* * *

На другой стене комнаты, напротив кровати, висел еще более роскошный гобелен, чем «Русалочья охота». Глория заставила себя проглотить завтрак и теперь отдыхала, любясь изображенной на гобелене сценой придворной жизни... Мужчина, по-видимому царь, стоял на возвышении, его голову венчала золотая корона. За спиной царя толпилась свита. Женщина в пышных одеждах поднималась по лестнице в сопровождении прислужниц. Ее волосы покрывал драгоценный убор, шлейф несли молодые девушки...

Глория забылась, заглядевшись на красочную картину. Дворец царя отличался богатой отделкой, каждая деталь была запечатлена с величайшей тщательностью – полукруглые арки, резные колонны, гривастые львы при входе в тронный зал...

– Мне нравятся хорошие вещи, – произнес тролль.

И все очарование гобелена сразу рассеялось. Уродец умел появляться бесшумно и так же исчезать. Дверь в комнату закрывали ширмы, а двигался он с поразительной легкостью и грацией. Словно хищный камышовый кот. Жаль, что его уши скрывались под густыми кудрями – на их кончиках наверняка были кисточки.

Медикаменты понемногу выводились из организма, и Глория ощущала себя почти как в обычной жизни. Только галлюцинации продолжались... Она решила не сопротивляться тому, что с ней происходит. Во всяком случае, этот карлик куда приятнее, чем двое бандитов, которые держали ее в холодном подвале. С ним хоть можно поговорить...

– Кто это? – спросила она, показывая на гобелен с царем и царицей.

Уродец уместился на своем кресле и смерил ее удивленным взглядом. Она заметила, что его ножки не достают до пола. При могучем развороте плеч это смотрелось комично, но она сдержала улыбку.

– Ты читала Библию?

– Да...

– Тогда тебе должна быть известна история с царем Соломоном и царицей Савской! – с важным видом вымолвил он.

– Я не очень внимательно читала, – призналась Глория. – Что-то припоминаю... какие-то отрывки...

– Стыдно!

– Ничуть.

Она все-таки улыбнулась, поправила подушки и села. Во дворце тролля ей дали принять ванну и переодеться в тунику и шаровары из шелка, нежно льнущие к телу. Здесь окна тоже закрывали решетки, зато Глорию не привязывали и не пугали собакой. Правда, из комнаты не выпускали... Впрочем, она ведь не пробовала выходить – была слишком слаба. Голова кружилась, ноги и руки плохо слушались. Как врач она объясняла свое состояние большими дозами успокоительного. А как пленница чудесного сна боялась вернуться в предыдущий кошмар... снова оказаться во власти ублюдков, один из которых норвил с ней позабавиться. Брр!

Тролль со странным именем Агафон спросил:

– Хочешь послушать притчу?

– Не откажусь...

Глория постепенно осваивалась в его обществе, привыкала к его благообразному лицу, изящным манерам и галантному поведению. Она старалась не смотреть на его фигуру, и особенно на кривые ноги.

– Царь Соломон был богатым и мудрым правителем, – заговорил Агафон. – Его страна процветала, а подданные не знали нужды и голода. Соломону привозили золото со всех концов света, его жены и наложницы затмевали красотой луну и звезды. Царь повелевал не только людьми – ему подчинялись звери и птицы, с которыми он говорил на их языке. Даже джинны не осмеливались перечить Соломону и выполняли все его поручения... Однажды маленькая птичка угод сообщила царю, что за морем есть страна, где растут райские деревья, под ногами стелется золотой песок, а жители не знают войн. И что правит в той стране прелестная царица. Тогда Соломон написал царице письмо, в котором повелел ей приехать в славный город Иерусалим...

При этих словах Глория ощутила комок в горле. Письмо! Она тоже получила письмо...

Агафон заметил ее волнение и замолчал. За окном моросил дождь, совсем как в реальной жизни. По гобелену, где премудрый Соломон взирал на царицу Савскую, пробежали серые тени.

– Письмо... – выдавила она. – Где... письмо?

– Какое письмо? – не понял уродец.

– Моя сумочка... Я положила его в сумочку, а потом...

– При тебе не было сумочки!

– Да... да... Она, вероятно, осталась в моей машине... Если они ее не забрали...

– Они?

– Двое ублюдков! Которые... которые... А, не важно...

Ей не стоило говорить карлику про предыдущий сон. Сон во сне... так можно окончательно запутаться. Она уже запуталась.

– Как я... попала сюда?

– Обыкновенно, – спокойно ответил он. – Приехала вместе со мной и Сантой. Санта – это мой слуга. Он водит мою машину и делает за меня много других вещей. Он очень привязан ко мне... Мы почти сроднились.

– Но... почему я ничего не помню? – растерянно спросила Глория.

– Ты спала... Любой бы ничего не вспомнил на твоём месте.

– Спала? Спала... ну, в общем... я так и думала...

Вот он и подтвердил, что все это – сон: и комната, и гобелены, и завтрак, и он сам... и их странный разговор...

– Тебе делали уколы сильнодействующего препарата, – добавил Агафон. – Не удивительно, что ты впала в беспамятство.

– У меня бред?

– Хм... Вряд ли. Мы все так или иначе находимся в плену иллюзий...

Глория вздохнула и устроилась на подушках поудобнее. За окном, в пелене дождя, раскачивался мокрый куст сирени.

– О каком письме ты говорила? – спросил тролль.

– Я получила известие от одного человека... которого нет в живых... Разве такое бывает?

Она вдруг захотела посоветоваться хоть с кем-нибудь, пусть даже с персонажем из собственного сновидения.

– Смерть не менее эфемерна, чем жизнь, – глубокомысленно изрек Агафон. – И что тебе написал мертвец? – Назначил свидание. Представляете, как я испугалась? Карлик обращался к ней по-свойски, как к старой знакомой. А она продолжала ему «выкаты». Он вызывал у нее боязливое уважение, замешенное на скрытой неприязни. Не только из-за физических недостатков. Было в нем еще что-то... непонятное и опасное.

– В письме были указаны время и место?

– Угу, – кивнула Глория.

– И ты поехала?

– Без раздумий! Я не могла поступить по-другому...

– Ты... любила его?

В глазах маленького чудовища вспыхнули искры любопытства. Глория задохнулась от его наглости и пронизательности. Но солгать у нее язык не повернулся.

– Мы были близки.

– Ах, вот что! Первый мужчина... И ты вбила себе в голову *великую любовь!* Потрясающе... Ты замужем?

Она опять кивнула.

– Брак по расчету? – скривился карлик.

– Нет!

– Значит, снова любовь? Только на сей раз уже не такая *великая*?

– Я не знаю...

Глория ощущала себя раздетой, словно с нее мягко и вместе с тем беззастенчиво срывали одежду. Агафон улыбался. Он видел ее насквозь, и это коробило. Он лишил ее лазеек, куда она прятала свои изъяны. Он присвоил себе право судить ее!

– Я тебя обидел?

Чтобы не отвечать, она вернулась к царице Савской.

– Лучше рассказывайте дальше свою сказку.

– Хорошо. – Агафон и глазом не моргнул. – Получив послание Соломона, царица Савская созвала визирей и приказала им приготовить богатые подношения: навьючить верблюдов

благовониями и пряностями, кипарисами, золотом, жемчугами и самоцветами... И отправился караван в далекий утомительный путь через пустыню...

- Она загадывала Соломону какие-то загадки! – вспомнила Глория.
- Царица Савская возжаждала испытать его...

Глава 8

Лавров поджидал осведомителя в душевой забегаловке, полной любителей пива и дешевой закуски. Запах сосисок и пельменей перебивал дым сигарет. Лавров принес с собой бутылку водки. Он сам был не прочь выпить. Если бы не работа...

Он промерз, устал и дико хотел спать. Осведомитель опаздывал. Лавров глянул на часы и принялся за остывшие пельмени. Когда еще удастся поесть? Босс замордовал, все соки выжал... да еще разгон дал. Обозвал дармоедами и лежебоками. У него уже не хватало сил ругаться забористо, как он умел, – выдохся, вымотался за эти безумные дни и ночи.

Отчасти Роман согласился с его упреками. Вялые оправдания его и ребят разбивались об отсутствие результата.

«Это провал, Рома! – сокрушался Колбин. – Неужели ничего?»

«Полный ноль, Петр Ильич, – признавал поражение начальник охраны. – Все ниточки оборваны... Надо в милицию заявлять! Другого выхода я не вижу!»

«Зебрович слышать не желает о милиции...»

«Мы хоть снимем с себя ответственность!»

«Он дал нам еще трое суток. Ищите, Рома! Землю ройте!»

«Да роем... И что с того?»

«Может, между братками какой слушок прошел? Ты вознаграждение посули, не скупись. Зебрович даст любые деньги... в разумных пределах, – поправился Колбин. – Давай пошурши! Надо же что-то делать!»

Осведомители остались у Лаврова от его прежней службы в государственной правоохранительной структуре. Скромная зарплата и неоправданный риск вынудили его уволиться и пуститься в вольное плавание. Вот, попал в первый серьезный шторм. Везде свои нюансы.

Шустрый мужичок, одетый байкером, с размаху плюхнулся на пластмассовый стул.

– Привет! Че-то в горле пересохло...

– Сейчас мы тебя вылечим, Димыч, – усмехнулся Лавров, разливая водку. – Ты на мотоцикле?

– Накрылся мой конь! Уже неделю как я без колес.

Мужичок горестно сдвинул брови и потянулся за водкой.

– А что с твоим конем?

– Да... – махнул тот рукой, униженной железными перстнями. – Погудели мы у одного приятеля... Короче, сам понимаешь...

– Под кайфом за руль сел?

– А на чем же домой добираться в два часа ночи? – искренне удивился Димыч.

– Худо тебе без коня...

– Ой худо! Во как худо! – Он провел ребром ладони по горлу. – Короче, смерть мне без моей «Хонды». Я ведь еще кредит отдаю... а доходы мои тебе известны.

– Значит, от материальной помощи не откажешься?

Мужичок опрокинул вторую рюмку водки и хитро прищурился. В его ухе поблескивала круглая металлическая серьга.

– А велика ль милостынька будет?

– В зависимости от ценности информации.

– Гляди, начальник, чтобы без обману...

– Когда я тебя обманывал?

Димыч поскреб подбородок, оглянулся и придвинулся поближе к собеседнику.

– Короче, я тут перетер кое с кем по поводу твоей проблемы...

– И что?

- Тухлое дело.
- Никто не в курсе?
- Да обмолвился один... чисто по-дружески поделился соображениями...
- Не тyani, Димыч!

Мужичок придвинулся еще ближе, наклонился и понизил голос. От него разлило потом и водкой.

- Короче, чувачок залетный интересовался этим, как его...
- Анатолием Зебровичем?

– Тише ты... раскричался! Зебровичем, точно... Короче, вопросы задавал насчет его бабы... жены то есть. Мол, нашлась она или нет?

Пивную освещали желтые лампы, к потолку поднимался сизый дым. Сквозь гул голосов слышался звон кружек и торопливые шаги официантки, которая убирала посуду.

- Что за чувачок?

– Говорю же, залетный. С Урала прикатил. Приторговывал дурью... так, по мелочи... Потом упал на дно. Поговаривали, работу нашел... Но ты же понимаешь, начальник, кто к легким бабкам привык... того могила исправит!

Димыч сипло хохотнул над собственной шуткой.

- И это все?

– А что, мало? – нахмурился осведомитель.

– Намекни хоть, где искать этого залетного? Как кличут?

– Игорехой. Он на джипе приезжал. «Мицубиши» кажись... Тачка клевая! Только его или нет – не знаю. Может, угнал...

- Ты сам-то его видел?

– Не-а... – Мужичок мотнул небритым подбородком. – Мне пацан знакомый нашептал. Он раньше у этого... у Зебровича в офисе клерком работал, потом на дурь подсел... его и выгнали. Игореха, видать, по старой памяти к нему подкатил... но тот, сам понимаешь, ни сном ни духом!

Лавров вылил остатки водки в стакан и придвинул к Димычу сосиски.

- Давай закусывай! А то вон, повело уже.

Ниточка, которую дал ему осведомитель, была тонкая, словно паутинка. Но и ее упускать нельзя.

- Слушай, Димыч, дай-ка мне адресок бывшего клерка.

Мужичок молча жевал сосиску, обильно политую красным, как кровь, кетчупом. Лавров ждал. Димыч продолжал невозмутимо закусывать. Цвет кетчупа вызвал у начальника охраны плохие предчувствия.

Лавров имел доступ к личным делам сотрудников. Ему ничего не стоило пробить по базе данных, кого из клерков недавно уволили... но на это уйдет драгоценное время. Текучка кадров в таких компаниях, как «Зебрович и партнеры», являлась неизбежным злом. Без фамилии он вряд ли быстро управится. Проверять придется всех.

Он достал из кармана конверт и показал Димычу. Тот перестал жевать.

- Держи!

Мужичок протянул руку, но Лавров не спешил отдавать обещанное вознаграждение.

- Адрес, фамилия...

– Я не из вашей конторы, – огрызнулся Димыч. – Фамилию не спрашивал. Пацан снимает квартиру в Кунцеве... задолжал за несколько месяцев, просил помочь... А тут я своего коня разбил! Черная полоса, начальник...

- Меняю точные координаты на конверт!

- Идет...

* * *

Глория сообразила, что сон подозрительно затянулся. Хоть время категория и летучая, но наяву оно течет по-другому. Глория не могла этого объяснить: она это просто чувствовала.

В обед молчаливый Санта принес ей куриный бульон и пирожки с мясом. Впервые ее не затошнило от запаха еды. К Глории возвращались силы и аппетит. После обеда она встала с постели. Ноги дрожали, голова кружилась, но ей удалось добрести до ванной и взглянуть на себя в зеркало. Увиденное привело ее в ужас. Она сбросила килограммов пять – щеки ввалились, под глазами синева, лицо бледное. А волосы... тусклые, спутанные, висят длинными прядями, как у ведьмы. На мраморной полочке стояли пара флаконов с туалетной водой, шампунь и гель для душа. Не те, которыми она привыкла пользоваться...

Глория с тревожным любопытством попробовала открыть кран. Потекла вода... сначала холодная, потом теплая. «Пещера тролля» отлично оборудована. Угловая ванна, зеркало, кремовая плитка отливает перламутром... Остальные помещения, вероятно, не хуже.

Глория умылась, взяла расческу и провела ею по густым темным волосам. Зубья застревают, причиняя боль. Сколько дней она не расчесывалась? Два, три... или больше?

В комнате, увешанной гобеленами, не было ни календаря, ни часов. В окно стучали ветки сирени, позади которой шумел окутанный зеленым туманом сад. Глория заглянула за ширму, закрывающую входную дверь, подергала за ручку. Заперто! По ширме были вытканы пестрые птицы с хохолками. «Удоды, – вспомнился ей рассказ Агафона. – Те самые, что донесли Соломону про неподвластную ему страну...»

– Эй! – крикнула она и постучала в эту дверь, отделяющую ее от прошлого. – Эй! Выпустите меня!

Тишина. Она приложила ухо к двери и прислушалась. Ни звука. Ей оставалось только улежась обратно в постель. Тем более что силы были на исходе. Сердце прыгало в груди, дыхание стеснилось. Какую же дозу снотворного ей вводили? Судя по последствиям, приличную.

Полулежа на подушках, Глория задумалась о своем состоянии, о том, куда она попала. Может, у нее случился приступ безумия и ее упекли в психиатрическую лечебницу? Частную, комфортабельную, но все же клинику? А карлик и Санта – порождения ее бреда? Они представляли собой странную пару: неуклюжий немой великан и галантный широкоплечий малыш, причем последний явно в роли хозяина...

Однако если она в лечебнице, то где врачи, медицинский персонал? Почему ей не делают уколы, не заставляют принимать таблетки?

Глория слишком устала, чтобы размышлять над этим. Она не заметила, как задремала. Сквозь ресницы ей виделась царица Савская, поднимающаяся по роскошной мраморной лестнице к царю Соломону...

Слова тролля сами собой всплыли в памяти:

«Три года, три месяца и три дня длилось путешествие царицы в далекую неведомую страну... и когда вступила она в славный город Иерусалим, то пришла к Соломону и вела с ним беседы обо всем, что ее занимало... и постигла она мудрость его, и склонилась перед его могуществом, и молвила:

– Если разгадаешь мои загадки, то признаю я тебя наисильнейшим властителем над людьми, зверями и птицами, над бесами, оборотнями и демонами... над всеми царями Полудня и Полуночи...

О чем бы она ни спросила, царь отвечал быстро, без раздумий и проявил поразительную осведомленность в любых вещах. Царица же очаровала его своей дивной красотой и любезностью, изысканными нарядами и пленительным голосом, похожим на звуки волшебной свирели...

Соломон догадался, что отцом ее был царь, а матерью – прелестная пери...»

– Пери? – вклинилась в его плавную речь Глория. – Это кто?

– Крылатое существо в образе женщины... изгнанница из рая, приставленная охранять людей от происков дьявола.

– Тогда царица Савская имела бы спрятанные под платьем крылья, а у нее, насколько я помню... были козлиные ноги с копытами. Ну... если и не козлиные, то жутко волосатые!

Агафон рассмеялся, тряхнув своими кудрями. Слухи про волосатые ноги царицы Савской стали притчей во языцех.

– Скажи еще, что ее ноги оказались такими же кривыми, как мои!

Карлик, сидя в кресле, поболтал в воздухе короткими ножками, обутыми в домашние туфли с помпонами.

Глория смутилась. Заслушавшись, она забыла о внешности собеседника. Как неловко!

– Ладно, я не в обиде, – вздохнул он. – Что есть, то есть. Знаешь, какую хитрость придумал Соломон, желая проверить эти слухи? Он пригласил царицу в зал с хрустальным полом, под которым плавали рыбки и колыхались водоросли. Та решила, что перед ней – вода, и подняла юбку. Всего лишь на мгновение! Таким образом ее тайна раскрылась... Царь якобы разочарованно воскликнул: «Твоя красота покорила меня... но твои ноги – мужские! Волосы украшают мужчину, но уродуют женщину!» Оскорбленная гостья, не удостоив Соломона ответом, тут же удалилась...

– Не очень-то вежливо с его стороны, – заметила Глория.

Агафон усмехался, изучающе разглядывая ее.

– Это ведь библейская история, – сказал он. – Не стоит понимать ее буквально. Соломон увидел в красавице-царице нечто демоническое, открыл темную сторону ее души и указал ей на это. «Козлиные ноги» – иносказательный признак дьявольского в ангельски совершенной женщине! Ха-ха! Разве ты не прячешь под одеялом раздвоенные копытца?

– Я?! У меня нормальные ноги! – Она задохнулась от возмущения.

– Разумеется! И ничего *этого* ни разу не приходило в твою ветреную головку!

Он явно издевался над ней, тогда как она терялась под его пристальным взглядом. При слове «*этого*» Глория вспомнила о письме, которое привело ее в ловушку. Почему-то она не призналась мужу, кто прислал ей приглашение в ад... Неужели она все еще любит Павла, а Зебрович все еще ревнует?..

– Послушайте, хватит дурачить меня. Скажите прямо: я сплю или...

– Мы все спим! – с воодушевлением заявил карлик. – И ты, и я... и Санта... и те двое, что держали тебя в подвале...

Страшная догадка молнией поразила Глорию.

– Вы... убили их?

– Зачем? – искренне изумился Агафон. – В этом не было нужды!

– Это вы написали мне письмо с того света, чтобы заманить меня в Прокудинку и...

– Нет! Клянусь... – Он, скрестив, приложил длинные ручки к груди, и в его глазах появилось умоляющее выражение. – О письме я услышал от тебя!

Она резко выдохнула, надув щеки. Разговор принимал опасный оборот. Карлик напрягся, его благородные черты исказились.

– Что же Соломон? Как он загладил свою оплошность?

Агафон не ожидал, что она вернется к истории с волосатыми ногами царицы Савской. Улыбка тронула его губы. Слабое место женщин – их неумное любопытство.

– Царь был великий кудесник! Он послал разгневанной гостье средство для удаления волос. Его изготовили джинны. В старину оно называлось *нура*. Это смесь мышьяка и негашеной извести.

Глория невольно развеселилась.

– Вероятно, то был самый древний состав для эпиляции? Жуткая вещь! Мышьяк... негашеная известь... Кожа не слезила вместе с волосами?

– Полагаю, при правильном приготовлении и использовании никакого вреда *нура* не наносила. И вообще... алхимики обожали мышьяк!

– А вы кто? – в лоб спросила она карлика. – Добрый дух или злой демон?

– Нечто среднее, как и все люди...

– Почему вы заперли меня здесь?

– Хочешь, чтобы я вернул тебя туда, где нашел?

– Я хочу домой!

– Считаю, что ты дома...

– В пещере тролля! – хрипло засмеялась она. – Вы все врете про сон! Я не сплю! Я ваша добыча, ведь так? Что вы собираетесь со мной сделать? Продать мужу за большие деньги? Так он много не даст! Особенно когда узнает про письмо и про то, куда я ехала... Что тогда? Станете отрезать у меня то ухо, то палец и посылать ему? А потом убьете?

Ее понесло. Стресс всегда плохо влиял на ее психику. Она кричала, потом утихла и заплакала. Агафон отнесся к ее истерике со стоическим терпением. Позволил ей выкричаться, выплакаться. Он сидел не шевелясь и не произносил ни слова. Только подал ей батистовый платочек, когда она зашмыгала носом.

– Ты моя добыча, – спокойно подтвердил он. – Я очень долго охотился за тобой. Я думал, что не успею...

– Отпустите меня...

– Я не могу! Ты мне нужна.

– Зачем? Для алхимических опытов? Или мыло варить?

– Тебе ничего не угрожает, поверь.

– А я не верю! Не верю! – взвилась Глория. – Кто были те двое, на джипе? Вы их наняли?

– Нет. Я их не знаю.

– Рассказывайте! – саркастически усмехнулась она. – Господи! За что мне все это? Почему я? Все было так хорошо... так легко... Наверное, за легкую жизнь надо платить? Да?

Ее запал быстро иссяк, и она поникла, погрузилась в апатию. Ей вдруг стало безразлично собственное будущее. Она больше не жалела о прошлом. Она даже не хотела вырваться из этой увешанной гобеленами клетки на волю, туда, где шумят деревья, где стоит по оврагам талая вода... где весна рассыпает первые цветы и проливает на стылую землю теплый дождь...

– Тебе не нужно меня бояться, – печально произнес Агафон. – Никто не собирается тебя убивать. Давай... сыграем в шахматы!

Она уставилась на него как на полоумного. Шахматы! Он что, совсем свихнулся?

Санта, как обычно безмолвный, принес дорогую доску из разных пород дерева и тонко выточенные фигурки. Карлик расставил шахматы. Себе – белые, Глории – черные.

– По-моему, все наоборот. Черными играете вы.

– Это заблуждение, которое скоро рассеется...

Она ленилась обдумывать ходы, и партия стремительно завершилась победой Агафона. Впрочем, он не обрадовался.

– Почему вы называете этих всадниц «Русалочьей охотой»? – спросила она, кивая в сторону гобелена над кроватью.

Карлик продолжал сидеть в кресле, и ей пришлось поддерживать беседу. Молчание пугало ее.

– Существует поверье о «дикой охоте», – равнодушно начал он. – Когда по небу несутся рыцари на черных конях, а за ними бежит свора черных псов... это дурной знак. Кто его увидит, тому следует остерегаться. Когда в лесу внезапно покажутся пышно разодетые всадницы с длинными волосами – их называют «русалочьей охотой»...

- Что же предвещает «русалочья охота»?
- Близкую смерть...

Глава 9

Южная Африка, XIX век

В долине реки Лимпопо водились хищники, и это заставляло путешественников постоянно быть настороже. Один из них был белым, другой имел смешанную кровь. Когда-то его чернокожая прабабка полюбила европейца и родила от него нескольких малюток. Благодаря этой любви потомки получили выющиеся черные волосы, большие губы и смуглую кожу.

– Правда ли, что здесь обитают львы-людоеды? – с опаской осведомился молодой человек, одетый в военную форму колониальных войск без знаков отличия.

– Думаю, любой лев может полакомиться человеческим мясом... – лениво отозвался смуглый проводник.

Он был красив, как бывают красивые люди от смешанных браков. Белый явно уступал ему и в росте, и в мужской привлекательности, и в выносливости. Он отставал, часто садился отдыхать, боялся насекомых и змей и очень много говорил. Его звали Андре. Он приехал в Африку из России – далекой страны, о которой его проводник Мануэль слышал в первый раз.

Андре считал себя прирожденным путешественником. Он рьяно изучал языки и все свои деньги тратил на поездки по миру. Например, в прошлом году он побывал в Англии, и сырой туманный климат этой страны пробудил в нем желание посетить Южную Африку.

Мануэль слушал его вполуха, шагая чуть впереди и поглядывая по сторонам. Здешние племена не жаловали белых, и проводник старался обходить места, где можно было встретить воинственных африканцев. Кто знает, не занесет ли их сюда каким-нибудь недобрым ветром?

– Ты действительно веришь в древние руины? – обернулся он к Андре. – По-моему, это вранье! Англичанин обманул тебя.

– Что ты? Джентльмены не обманывают. К тому же сэр Роджерс известный охотник, который не станет портить себе репутацию пустыми выдумками.

– Англичане врут так же, как и все остальные люди! Я никогда не слышал о развалинах каменного города. Откуда здесь, в саваннах, камень? Местные жители испокон веков строят себе хижины из пальмовых листьев.

Андре остановился, снял пробковый шлем и вытер струящийся по лицу пот.

– В трехстах километрах от реки должны быть густые заросли, в них-то и скрываются руины.

– Как по мне, брехня все это! – упрямо твердил проводник.

Они спугнули стадо антилоп, которые кинулись врассыпную. Андре с восторгом наблюдал за грациозными животными, забыв об усталости и сожалея, что нельзя подобраться к ним поближе. Вдали в желтоватом знойном мареве паслись зебры.

– Послушай, на что тебе сдались эти камни?

– Ты не понимаешь! – не отрывая глаз от антилоп, воскликнул путешественник. – Каменные стены могли возвести здесь, в глубине континента, только могущественные правители. Это либо царь Соломон, либо царица Савская. Ты читал Библию?

Мануэль был набожным католиком, но читать не умел. Никто не позаботился обучить его грамоте. Разглагольствования миссионеров, которые наводнили Африку в надежде обратить в истинную веру дикие племена, усыпляли его еще быстрее, чем стрекот цикад. Он что-то слышал от переселенцев о золотых шахтах в лесах мопани³, но не придавал этому значения. Золотая лихорадка обошла его стороной.

Пожав плечами, он двинулся дальше. Солнце светило прямо ему в лицо, но он привык к зною. Зато Андре просто изнемогал. Его нос покраснел и облупился, ресницы и брови выгорели, губы потрескались.

– Давай отдохнем, – гундосил он в спину Мануэля, который неторопливо шагал вперед. – Я больше не могу...

– Дойдем до тех кустов, там, в тени, остановимся.

Проводник махнул рукой в направлении высоких густых зарослей. Андре брел из последних сил.

– Это акация? – удивленно пробормотал он, разминая в пальцах узкие листочки. – Ей-богу, акация!

Проводник отстал, подыскивая место для привала.

Углубившись в заросли, Андре вскрикнул от неожиданности. Кусты поредели, и его восхищенному взору открылась величественная стена высотой около десяти метров. Камни были не обработаны и сложены один на другой без всякого скрепляющего материала.

– Мануэль! – вне себя от возбуждения завопил Андре. – Иди сюда! Скорее!

Они изъяснялись на ломаном испанском и зачастую толком не понимали друг друга. В таких случаях интонация и язык жестов успешно заменяли им слова.

Проводник прибежал на крики белого путешественника, вообразив, что тот увидел ядовитую змею или произошло нечто еще более ужасное. Уставившись на каменное сооружение, он застыл как вкопанный...

Они обошли стену, имевшую закругленную форму, дивясь тому, как посреди саванны кто-то сумел построить такую махину.

– Это развалины дворца Соломона! – лихорадочно повторял Андре. – Или царицы Савской! Здесь она добывала из-под земли золото и продавала в Иерусалим. Финикийцы причаливали в Софале... потом добирались сюда... потом... Но где же копи?... Где рудники?..

Он метался вдоль стены, ощупывал камни руками, смеясь и плача. Мануэль смотрел на него как на безумца, опасаясь за его рассудок. Обнаружив проем в стене, Андре устремился внутрь грандиозного сооружения. Там тоже росли деревья и выступали из травы обломки каменных стен, правда, куда меньших размеров...

Проводник шел за ним по пятам. Вдруг в углу между камнями что-то блеснуло. Неужели... кости? Человеческие кости! От скелета почти ничего не осталось, кроме черепа, нескольких выбеленных солнцем ребер и косточек

³ Мопани – африканское железное дерево.

от позвоночника. Путник как будто присел на плоский широкий камень... где его настигла смерть. Дело довершили птицы, муравьи и прочие обитатели саванны. Кости покрупнее, вероятно, растащили гиены.

– Смотри, Мануэль... – испуганно вымолвил русский. – От чего погиб этот человек?

– Может, от укуса змеи... Или его кто-то убил.

Рядом с костями валялись пара железных пряжек и нательный крестик с распятием.

– Это европеец?

– Похоже на то... или один из африканеров⁴...

– Надо бы похоронить его...

– Я не собираюсь копать яму! – возмутился проводник. – Я буду отдыхать, а ты копай, если хочешь.

Андре решил не настаивать. В конце концов, несчастный пролежал тут не один год, полежит еще немного. Пока сюда не заявятся ученые и золотоискатели.

Наивный, он не предполагал, чем закончится их с Мануэлем вылазка и что пройдет несколько лет, прежде чем древние развалины посетит немецкий геолог Карл Маух и его «открытие» станет сенсацией. В Африку хлынут любители легкой наживы, но загадочная страна Офир так и останется мифом. Только в 1890 году отряд англичан отправится в долину реки Лимпопо и официально подтвердит рассказы Мауха. Будут ходить упорные слухи о старых свитках, в которых описаны копи, откуда раз в три года премудрый Соломон получал золото, – однако своими глазами никто этих свитков не увидит и несметных сокровищ не отыщет. «Копями царя Соломона» попеременно будут объявлять то одни, то другие древние рудники, и охота за библейским золотом пойдет на спад...

А пока что Андре, презрев усталость и ужасающую жару, обшаривал траву вокруг камня, на котором лежал скелет. Вдруг еще какая-нибудь находка прольет свет на личность умершего? Возможно, это заблудившийся в саванне миссионер... или одинокий охотник, который забрел в развалины, не подозревая, что обретет здесь вечный покой...

Мануэль демонстративно дремал, не глядя в сторону своего беспокойного спутника. Тот же, преодолевая отвращение к кишасей в зелени живности, рыскал между стеблями и листьями в надежде наткнуться на какую-нибудь вещицу, принадлежащую покойнику. Его усилия были вознаграждены. Из земли торчало нечто наподобие большой монеты из желтого металла. «Золото!» – екнуло сердце Андре. Он украдкой вытащил монету и бросил взгляд на проводника. Мануэль мирно посапывал, прикрыв лицо широкополой шляпой.

Затаив дыхание, Андре оттер монету от грязного налета и внутренне ахнул. На одной стороне ее было изображено лицо женщины, на другой – буквы на неизвестном языке. Женщина заморозила молодого путешественника. Им овладела жажда единоличного обладания чудесной находкой.

⁴ Африканеры – народ в Южной Африке, потомки европейских переселенцев.

– Это не монета... – возбужденно шептал он. – Это что-то другое... Должно быть, брошь с отломанной застежкой... или подвеска от ожерелья... от царского ожерелья...

Андре то и дело поглядывал на проводника. Мануэль теперь представлял для него опасность. А ну как тот захочет отобрать у него золотую вещицу? При этой мысли сознание Андре помутилось, и он потянулся к притороченному к поясу чехлу с охотничьим ножом. Нет... таким образом ему с проводником не справиться! Мануэль силен как лев и будет сопротивляться, если быстро не покончить с ним. Не так-то просто зарезать человека... Андре не был уверен, что сумеет.

Тут ему на глаза попался острый камень величиной с два кулака. Если с размаху ударить таким камнем по голове, можно оглушить проводника. Андре, на мгновение ужаснувшись чудовищному замыслу, схватил камень. Он не узнавал себя. Что-то темное овладело им, заставляя действовать вопреки совести и здравому рассудку. Даже мысль о том, как он выберется отсюда без Мануэля, не остановила его...

Наше время. Москва

Гога глотал таблетки и прикладывал к голове лед. Игореха, чертыхаясь, варил в обшарпанной кухне пельмени. Приятели по настоянию последнего решили отсидеться в Москве. За городом их машина, да и они сами будут бросаться в глаза. Сняли захудалую хрущевку в тихом районе и затаились. Номера внедорожника заляпали грязью. Береженого Бог бережет.

«Ты куда?» – спрашивал Гога, когда не в меру ретивый кореш собирался делать вылазку в город. «Пожрать купить надо, блин? – огрызнулся тот. – И водки!» – «Что ж ты сразу не брал?» – «Тебя не прокормишь! Типа больной, а лопаешь за троих!»

Толстяк ужасно раздражал Игореху. Из-за его жадности они по уши вляпались в дерьмо. Надо было отдать бабу заказчику, как договаривались, получить свои кровные и укатить куда-нибудь подальше... туда, где набегают на белый песок синие волны, а по вечерам горячие мулатки танцуют в тавернах под гавайскую гитару. Эх! Упустили они свой фарт!.. Улыбнулась им удача всего на миг, раздражила и бросила... словно гулящая девка.

Игореха не умел выразить вслух своих желаний. Дешевая романтика морских курортов манила его, как манит бабочку засиженная мухами лампа на террасе дачного домика. А Гога все испортил! Да еще теперь валяется бревном, возись с ним...

Порывшись в сумочке пленницы, парень вытащил ее водительское удостоверение, паспорт и прочитал фамилию упорхнувшей пташки. Глория Зебрович.

– Слышь, ты, Гога! – обратился он к толстому. – Если ее Гном у нас выкрал, блин... муж наверняка отвалит бешеные бабки за любые сведения о пропавшей жене. Мы можем типа большой куш срубить!

– А если не Гном? Вдруг то был сам Зебрович?

– Узнаем... разведем, блин...

– Как? Нам лучше носа без нужды не высовывать.

– Ну, ты сиди... а я попробую разноухать что к чему. Кажись, я вспомнил лоха, который у этого мужика типа работал. Лох у меня дурь покупал. Он своего босса Зеброй называл... типа от фамилии. Сечешь фишку? Фамилия типа редкая. Один раз я к их офису подъезжал. Солидный офис, блин...

Мир оказался тесен. Не только в его ненавистном родном городке Ушанске можно невзначай встретить знакомого, но и Москва не исключение. Или это фортуна сжалилась и повернулась к нему лицом?

Игореха не признался, что уже забросил удочку... без ведома толстого. Он решил частично ввести того в курс дела, проверить на вшивость. Если Гога заартачится, придется без него обойтись.

– Говоришь, я жадный... – сердито гундосил толстяк. – А сам? Гляди, нарвешься!

На Игореху временами находило затмение. Он мог мыслить здраво, осторожничать, а потом внезапно пускался во все тяжкие. Непоследовательность – вот что так и не сумела выбить из него психованная мамаша-алкоголичка.

– Ладно, не дрейфь! Это я так... болтаю, – успокоил он Гогу. – Тебе волноваться типа вредно. Лежи, лечись, блин. А я за жратвой сгоняю. И за таблетками. Вон, кончаются уже!

Так он вырвался на встречу с бывшим покупателем «травки». С трудом, окольными путями удалось добыть его новый адрес. Парня, как водится, за вредную привычку с работы поперли. Но в офисе Зебровича остался работать его приятель. Через него Игореха надеялся выяснить кое-что про Глорию.

«Может, Гном – конкурент Зебровича по бизнесу? – гадал он, лежа без сна на распатанной деревянной кровати. – Или у них давняя вражда? А может, мужик просто запал на эту врачиху?»

Утром он пристал к Гоге с расспросами.

– А что за прозвище такое – Гном? Может, у него фамилия похожая? Типа Гномиков... или Гномкин? – Не знаю. У него ник такой.

– Чего, блин?

Толстяк поморщился. В отличие от Игорехи он всерьез считал себя образованным, культурным человеком, вынужденно подвизающимся на криминальном поприще. Жизнь заставила! Если общество отказывается использовать его интеллект во благо, ничего не остается, как использовать интеллект во зло. Когда у него появится достаточно денег, он опять станет законопослушным гражданином.

– Ник – это имя, которое берут себе пользователи в Интернете, – снисходительно объяснил он. – Обычно ник не имеет ничего общего с фамилией.

– Значит, у Гнома типа рост маленький?

– Не обязательно.

Тупость Игорехи порой поражала его, порой умиляла. Рядом с этим парнем Гога чувствовал себя «на уровне». Не то что с друзьями.

– Заказчик, блин, называл тебе фамилию этой Глории? Как он типа вывел тебя на нее?

– Он описал только ее машину, номера и сообщил, где и когда она появится...

Игореха присвистнул и замолчал, обдумывая услышанное.

Через блеклые занавески в комнату проникал рассвет, падая на облезлые обои, выцветший ковер и желтый потолок с трещинами. Унылая, безрадостная картина. Но за решеткой будет гораздо хуже!

– И ты, блин, не выяснил, кто она?

– А зачем? – удивился толстяк. – Меньше знаешь, крепче спишь, парень! Я был на мели... и хватался за любой заказ.

– Как он должен был передать тебе бабло?

– Перевести на счет. После того, как я привезу товар.

– И ты ему типа поверил?

– Он обещал, что пришлет в условленное место своего человека... я показываю ему товар, он сразу переводит деньги... я убеждаюсь, что сумма перечислена, и выпускаю женщину. Она идет к его машине...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.